

Цена 20 коп.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ „ВОКРУГ СВЕТА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

выпускает в 1928 журнал „Вокруг Света“ по новой, расширенной программе:

52 номера иллюстрированн. журнала + 24 книги разнообразных приложений.

Сильно увеличив весь объем „Вокруг Света“ и его приложений, издательство ограничилось все же минимальным увеличением подписной платы.

Во избежание задержки в исполнении заказов журнала „Вокруг Света“ на 1928 г., Издательство „Красная Газета“ просит всех подписчиков, выславших деньги по старой расценке 1927 г. перевести дополнительно недостающие суммы согласно новым условиям подписки.

При досылке денег просим принимать во внимание, что подписка на 1928 г. принимается ТОЛЬКО на следующие сроки:

„ВОКРУГ СВЕТА“ с прилож.			„ВОКРУГ СВЕТА“ без прилож.		
по цене:			по цене:		
На 1 год	8 р.	— к.	На 1 год	4 р.	50 к.
„ 6 мес.	4 „	20 „	„ 6 мес.	2 „	30 „
„ 3 „	2 „	20 „	„ 3 „	1 „	25 „
„ 1 „	— „	80 „	„ 1 „	— „	50 „

Годовым подписчикам в рассрочку, следует дослать сумму, недостающую к первому взносу, объявленному в ДВА РУБЛЯ.

Охотникам, любителям животных, школам, библиотекам и всем интересующимся животными рекомендуем РЕДКАЯ КНИГА

Владимир ДУРОВ. ДРЕССИРОВКА ЖИВОТНЫХ

СОБАК, КОШЕК, ПТИЦ, ЗВЕРЕЙ и др. Книга написана на основании 40-летнего изучения животных, изложена доступным языком, является прекрасным руководством по дрессировке и читается с большим интересом всеми. В книге 604 страницы и много рисунков. Цена 3 р., с пересылкой 3 р. 76 коп. (При высылке денег или почт. марок вперед высылается за 3 рубля) Книжгород, обычная сдвд. Книжный склад „НИИГОВЕД“ МОСКВА, 19, ул. Герцена, 22/Е

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод Мертнера, не требующий заучивания слов и правил. Самоучитель немецкого яз., состоящий из 10 выпусков, в обработке Б. Шмелева и доп. Геод. Ученым Советом, высылается за 2 р. 85 к. Такой же английский самоучитель (практич. грамм.) высылается за 3 р. 15 к. А.р.: Москва ул. Герцена 22—17. Книжное дело „Просвещение“

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ЖУРНАЛ „НАУКА И ТЕХНИКА“

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“, Ленинград, пр. 25 Октября, 68, Москва, Советская пл., 34.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК „БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ЧИТАТЕЛЯ“

состоящая из 8 книг увлекательного чтения в красивой перепл., след. содержания:

- 1) З. Памелова. Среди углекислоты.
  - 2) В. Оне. Среди якарей.
  - 3) З. Памелова. Жизнь Степана.
  - 4) В. Сергеевский. Сыны неба.
  - 5) З. Памелова. Полярный Робинзон.
  - 6) И. Асен. За свободой.
  - 7) У. Силлер. В тисках.
  - 8) Стефенсон. Фухтон-Фарадей.
- Все 8 книг выносятся наложен. платеж. за 3 р. 20 к. Отп. книжка за 50 к. (цены указ. с пересылкой). Заказы адрес: Москва, 19, ул. Герцена, 22. Книж. маг. М. З. Зильшера.

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК САМОУЧИТЕЛЬ

ВСЕХ РЕМЕСЛ В ОДНОЙ КНИГЕ: плотничьи, столярные, токарные, отделка деревянных изделий, корзиночные, бочарные, картонажные, переплетные, проволоочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу, паяние, лужение, никелирование, выделка овчин, варка мыла, выделка штекеристей, веревки, производство крахма, ла, зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные и штукатурные работы, детекторный радиоприемник. Со 148 рис. Ц. с пересыл. 3 р. 50 к. Можно посылать мелк. почт. марками. Заказы и деньги направлять: Книжный склад „НИИГОВЕД“ МОСКВА, 19, ул. Герцена, 22/Е.

Единственный по своей легкости. Общий цифровой самоучитель

ДЛЯ ГИТАРЫ МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ, с новыми песнями, романсами и проч. высылается за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ (двухр.) такой же самоуч. с 30 музык. №№, высл. за 2 р. 85 к. А.р.: Москва, ул. Герцена, 22—17. Книжное Дело „Просвещение“.

Никотин разрушает здоровье — **НЕ КУРИ** „Вред табака“ в Средств. отучающие от привычки курить“ книж. и 2 лекц. 2 р. вал. пл. высл.: Скл. П. Мартынов, Мещан. 6—1161, Москва.

Вышел

1000 Слов немецких

НОВЕЙШИЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ САМОУЧИТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Занимателен по материалу, легок в усвоении и экономичен по времени: весь курс из 15 выпусков можно пройти в 6 месяцев. Каждый выпуск богато иллюстрирован.

ТРЕБУЙТЕ У ВСЕХ ГАЗЕТЧИКОВ, В КНИЖНЫХ КИОСКАХ И НА ВОКЗАЛАХ.

Цена отдельного выпуска 15 коп. Подписная цена за все 15 выпусков 2 р.

Ленинград, Фонтанка, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“, идя на встречу многочисленным просьбам своих читателей, решило с 1-го декабря принимать на себя исполнение всевозможных книжных заказов. Всем читателям „ВОКРУГ СВЕТА“ предоставляется скидка: 10% на все чужие издания и 20% на все издания „Красной Газеты“.

Присылайте задаток в 1/3 стоимости заказа.

Адресуйте заказы: Ленинград 2, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“, Отдел распространения.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лер. Фонтанка, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“,
Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 22

1927 г.
НОЯБРЬ
30

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: *А. Лебеде*нко. „Конгресс друзей С.С.С.Р.“ — *В. Тан*. „Старые и новые“. (Ч. III. Молодые партизаны). — *К. Хайн*. Хозел отпущения. — *Т. Прокофьев*. Авантюра Жиколашвилли — *К. Меч*. Россомеха. — *Лесник*. Первый снег. — „Искусственный остров“ и др.

КОНГРЕСС ДРУЗЕЙ СССР

Ветеран Парижской Коммуны
Т. Фурнад

Мартин Симон
(Урагван)

Андрэ Колошер
делегат работников
печати Франции

Тешин
(Тибет)

Тов. Лоутер
председатель ан-
глийск. рабочей
делегации

Вильям Воткинс

Это был совсем необычайный конгресс. Его никто не созывал. Члены его говорил на всех языках мира и не принадлежали ни к одной партии, ни к какой-либо одной организации.

Они сошлись в колонном зале Дворца Союза в Москве, потому что каждый из них почувствовал, что нельзя молчать, нельзя сидеть сложа руки, нужно говорить, кричать, писать и нужно работать.

Все они приехали в Москву больше потому, что были уже друзьями Советской России, либо потому, что совесть требовала от них разобраться в величайшем историческом вопросе наших дней: кто прав в великой тяжбе между народами Советского Союза и всем прочим миром, живущим под властью и по законам буржуазии.

Десять лет прошло с тех пор, как на одной шестой части суши рабочие и крестьяне покончили в власть буржуазии и начали строить новый мир по принципам социализма на основе разумности и величайшей классовой справедливости.

Устное печатное слово, находящееся всюду за пределами Советского Союза под контролем и влиянием буржуазии, все 10 лет было направлено против Советского Союза. Не было такой гнусности и клеветы, которая не была бы прибавлена к без того суровой правде страшных и героических лет гражданской войны, которую навязала нам буржуазия. Но и годы

мирного строительства не изменили отношения западной буржуазии к тому, что происходит у нас внутри советских границ.

Во многих странах Запада коммунистическая печать слишком еще слаба или просто запрещена в административном порядке; любой пролетарий и крестьянин должен проявить огромную настойчивость и любовь к истине, чтобы сквозь строй лжи, издевательств, насмешек, клеветы и подложных писем разглядеть истину о Советской стране.

Но 10 лет существования и успешного строительства в условиях враждебного окружения со всех сторон — факт такого значения, который уже нельзя ни спрятать, ни замолчать, ни исказить.

На наш праздник X-й годовщины Октября со всех концов земли потянулись одиночки-друзья Советского Союза и представители самых различных партийных, профессиональных и других организаций. Рабочие, крестьяне, ученые, литераторы, художники — все потянулись на Кремлевские огни великого юбилея.

Поездка на юбилей в Москву не была легкой прогулкой. Это было рискованное путешествие, которое будет иметь для многих тяжелые последствия.

Все правительства придумывали всевозможные препятствия при выдаче паспортов и разрешений на выезд в Советскую Россию. Меншевицкие воджи партийных и профессиональных организаций приложили все

усилия к тому, чтобы не пустить рабочих и крестьян в Советский Союз... Для многих англичан и представителей английских колоний беспаспортная поездка в Советский Союз обойдется по точной таксе — год тюрьмы. Рабочие, ездившие в Союз, возможно лишатся работы и будут преследоваться фабрикантами и правительством.

Но поездка в Советский Союз великая радость для каждого пролетария и, вместе с тем, выполнение своего долга. Вот почему, несмотря на все трудности, Германия дала 176 делегатов. Франция — 147.

Приехали друзья из Китая, Индии, Южной Африки, Соед. Штатов, Аргентины, Уругвая, Чили и Мексики, из Африки и Австралии, с островов Индонезии, со всех концов земного шара.

Некоторые из них приехали уже друзьями, другие посмотрели и стали таковыми.

Многих из приехавших мы давно знаем по революционной работе. Семь из них были награждены орденом Красного Знамени за боевые заслуги в деле революции. Это тов. Клара Цеткин, бывший капитан французского флота Андре Марти, поднявший восстание против интервенции на Черном море, тов. Макс Гельц — постоянный гость германских тюрем, присужденный к смертной казни б. капитан французской службы тов. Жак Садуль, тов. Бела-Кун, организатор боевых отрядов Китайских рабочих и крестьян тов. Чжан-Го-Тоу и рабочий железнодорожник, б. депутат Польского сейма, Станислав Ланцуцкий.

То, что сделано рабочими и крестьянами за 10 лет, оказалось достаточным, чтобы сотни беспартийных рабочих, членов Амстердамских союзов и партии 2-го Интернационала, приняли резолюцию, целиком против политики 2-го Интернационала и Амстердама.

Эти новые друзья Советского Союза больше не вернуться к своим продажным друзьям.

Когда делегаты приехали в Москву, побывали на празднике, посмотрели на быт и строительство в нашей стране, одна из делегаций выдвинула идею, — соединить всех приехавших на конгресс друзей Советского Союза. Эта идея была подхвачена решительно всеми делегатами и конгресс состоялся. Он

вынес только две резолюции — о 10-летию существования Советской власти и о защите СССР против войны.

В первой резолюции наши заграничные друзья сделали оценку той работе, которую проделали мы за 10 лет. Эта оценка оказалась положительной, больше того, она была восторженной.

Друзья Советского Союза поняли, что Советскую страну нужно защищать от военного посягательства международных хищников и они постановили обратиться ко всем пославшим их, ко всем рабочим и крестьянам всего мира, с призывом — стать на защиту единственной страны, где власть находится в руках огромного большинства, в руках рабочих и крестьян.

Превратившийся в мощную и восторженную манифестацию дружеских чувств по отношению к Советской стране, конгресс положил начало большой работе, которая, несомненно, принесет всему миру добрые плоды. Конгресс постановил создать постоянные органы, которые объединят вокруг себя все разрозненные, имеющиеся во всех странах комитеты и общества друзей России. И ясно, что это делается как раз во время и что это нужно для дела мира.

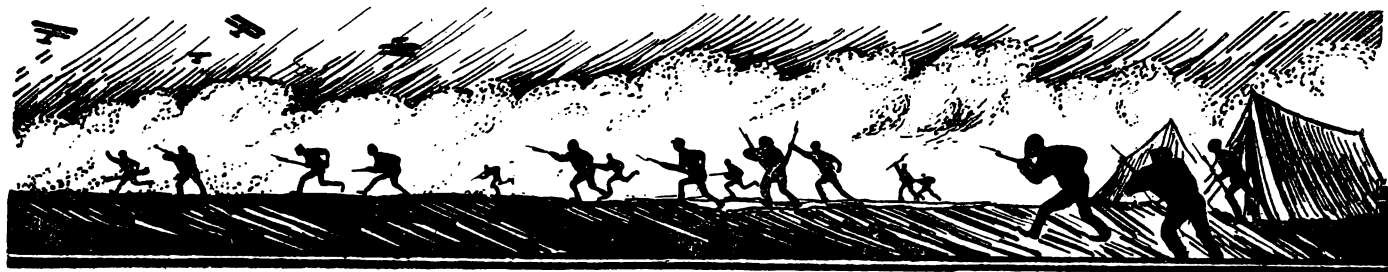
Как никогда громко и вызывающе звучит оружие у самых наших границ. С небывалой ясностью встает угроза всеобщему миру. Подстрекаемая англо-французским капиталом польская военщина готовится проглотить целое государство, чтобы затем превратить его в плацдарм для наступления на Советский Союз.

Каждый день грозит политическими осложнениями и нашей мирной стране, больше всего желающей продлить мирную передышку, может быть навязана война.

Вызвать, поднять и организовать единое целое всех друзей мира Советской России — вот первая задача, которая встала перед друзьями Советской России и их исполнительным органом. Нет сомнения в том, что эту задачу они выполнят с честью.

Тов. Доутер (председатель англ. раб. дел.) произносит речь.

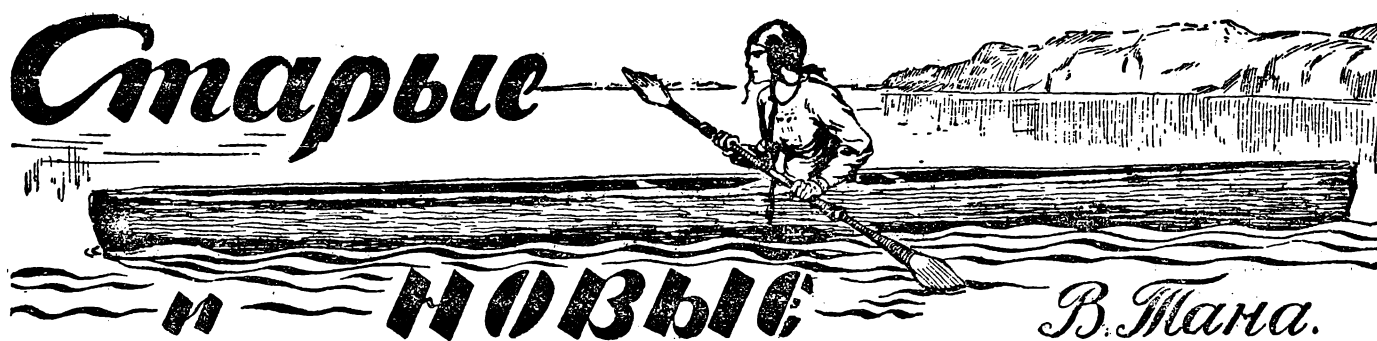

Рис. худ. И. Корольва.

Содержание первой и второй части.

МОЛОДЫЕ ПАРТИЗАНЫ.

Часть третья.

ГЛАВА XXIII.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дук а — искаженное Дунька). В итоге — взаимная любовь.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дук в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авилов, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дук живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробил и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик остался сиротой.

Грянула в 1914 г. война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веяния, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Рушатся все устои веками сколоченной жизни. Создается первый на Колыме «митин», на котором вся власть вручается Митьке Реброву. Учитывая повсеместную, общую нужду, Ребров «макаризирует» местных торговцев, облагая их данью: чаем, табаком и водкой.

Прочно укрепились «макаризация» на Колыме, пока на северный край не стали наступать белые враги.

Под предводительством нашего старого знакомого, Викентия Авилова, ныне белого полковника, двигался на покорение Колымы небольшой отряд с пулеметом.

Весть о нашествии белых врагов доходит и до Колымска, где Митька Ребров сзывает вече. Защищать Колыму от карателей согласились максолы (комсомольцы) да приверженцы Реброва, казаки же и мещане заняли враждебную позицию. В итоге максолы и дружина Реброва уходят из Колымска, куда с колокольным звоном входят белые и принимаются за расстрелы.

Предводитель белого отряда, полковник Авилов, наводит справки об оставленном им сыне и узнает, что его Викеша — вожак Союза Молодежи и ближайший помощник Реброва, начальника колымских партизан.

Первая стычка партизан с белыми карателями окончилась гибелью Реброва и многих его товарищей от пулеметного огня. Убитых партизан раздели и окоченелыми статуями поставили на дороге. Это зрелище вырывает у Викешы клятвенное обещание не опускать своего ружья до тех пор, пока останутся на Колыме насильники.

— Викеша уходит на разведку и попадает в плен к отцу. Аленка едет выручать любимого, но Викеша воспользовался ночью крепким сном отца и убежал. Аленка попадает в руки Авилова, который надругается над ней и опозоренную отпускает.

Маленькая черная фигура движется в яркости снега через тундру, такая одинокая, затерянная в безбрежной ширине. Это Аленка возвращается из страшного плена, в последнее убежище, в поселок на Чукочьей Виске. Варвара Алексеевна просто столкнула ее с крыльца, как собаку, как гадину и еще изругала ее грубыми мужскими словами.

Аленка отряхнулась и пошла. Собак ей не вернули, не дали куска на дорогу, да она и не просила. За последний кусок дорого она заплатила батюшке свекру, полковнику Викентию Авилову.

Шагает Аленка вперед без лыж, без посоха. Пить хочется Аленке. Она падает на землю, и лижет холодный убой, как собака. Припадает к подледной струе и глотает холодную воду. Потом поднимается и движется дальше.

Через тундру шагает Аленка, убегает от отряда, и не знает куда. Была в Черноусовой, а уходит на Чукочью. А в какой стороне Чукочья? Безжалостное солнце светит ей прямо в лицо. И жмурится Аленка, глаза ее слепнут, красные, желтые круги бегут перед ней, словно тоже убегает через тундру.

Не зная, куда ей идти, Аленка садится на пригорок и плачет горячими слезами, как заблудившийся ребенок. Страшно на тундре, как в темном лесу. Куда ни повернется, уже ей повсюду чудится мужчина, высокий, глазастый и тянет к ней длинные руки. Куда ей спастись?

Сидит на пригорке Аленка, закрывает от солнца лицо и плачет горячими слезами. А солнце ведь вовсе не злое. Оно глядит на нее пристально своим пламенным оком. Жалко даже солнцу обиженную девочку. Затягивается дымом сияющий глаз, тускнеет печальная тундра. Темнеет улыбатое небо. Гляди, и заплачет за одно на голову Аленки холодными весенними слезами.

Легче глазам. Аленка озирается кругом. И видит далеко на тундре,—движется, мелькает черная вертячая полоска. Ведь это собачья упряжка. Недавно, вчера или раньше, Аленка и сама изгибалась по тундре с таким подвижным червяком.

Кто же это едет? Погоня. Хватился тот страшный мохнатый, догонит, вернет! Опять будет душить, терзать, как рысь куропатку, растреплет, сожжет.

Очертя голову, задыхаясь, убегает Аленка через тундру, спасаясь от погони. Так быстро бежит, что даже наезжающий собачник все время отстает и не может догнать. Вот порсвнялся, наконец. Пролаяли собаки. Погонщик на ходу вскакивает, хватается беглянку и бросает на нарту.

— Подь, подь!

Поймали Аленку. Высокая фигура, знакомый запах, и голос все тот же, знакомый, страшный голос приезжего дьявола: — Аленка, уймись!

— Уйди! — визжит Аленка не своим голосом. — Боюсь!

Она соскакивает с нарты и бросается в сторону и падает, ползет по снегу, по убою, как подбитая синявка¹⁾. Викеша хватает Аленку и бросает на нарту назад.

— Боюсь! Уйди!

Не зная, как унять ее, он связывает Аленку, увязывает ее на нарту, как кладь, и во весь опор, как ветер, несется через тундру.

Безумная Аленка. Ведь это не погоня, а выручка. Не Викентий, а Викеша.

Летит через тундру, упряжка. Аленка бредит: —

дый хабур¹⁾. Собаки, почуяв жилье, расстилаются, как ветер. Невысокий подъем и поселок. Выскакивают камсолы, партизаны, девчонки и бабы. Ибо не только за максоломи, бабы увязались за старшей дружиной и одна по одной забралась в партизанское гнездо.

— Викеша, Викеша приехал! — загудело по поселку. Сам Микша Берестяный привязал собак и вводит Викешу под руку в жилую избу. Выдержать такое способен не каждый максол. Четыре переезда через тундру, плен и побег, и все без отдыха.

Как ветер шатает Викешу. В уме его мутится, как будто у Аленки.

Аленку подхватили бабы и вводят в другую поварню.

— Бабы, посмотрите ее, — говорит им в догонку Викеша, и глаза его смыкаются сами. Мир перед ним почернел и превратился в какой-то провал. И словно

Задыхаясь, убегает Аленка через тундру.

из бездны он слышит голос басовитый и сиплый, и все-таки женский, знакомый чей-то голос: — Ничего, мы посмотрим, не бось!

ГЛАВА XXIV.

Долго возилась суровая Дарья, максолка пятидесяти лет, над безумной и страшной Аленкой. Поила ее понемножку рыбьим жирком самотеком и терла снеговой водицей, наговоренной на полночную зарю, и вышептывала сама мудреный и тайный наговор.

И читала сперва наговор белый, святой, огневой: — Батюшка, царь огневой, всем ты царям царь! Всем ты огням огонь. Как ты жжешь и палишь в чистом поле травы и муравы, чащи и трущобы, у широкого дуба подземельные корни. Сожги и опали, со младья Алены, скорби и болезни, уроки и призоры, страхи и переполохи, семьдесят сем бед и семьдесят семь отраслей!

И потом, снявши с себя крест и трижды отплюнувшись влево, шептала наговор черный: — Встану я, раба дьявольская, не помолясь, выйду не перекрестясь, в чистое поле, во дьявольское болото. На дьявольском болоте лежит Алатырь бел-горюч камень. На камне Алатыре сидит сам сатана. Ой же ты, могуч сатана, сгони и сними с молодья Алены скорби и болезни, уроки и призоры, страхи и переполохи, семьдесят семь бед, семьдесят семь отраслей!

А Аленка отбивалась и отпихивалась и от бога, и от чорта, и от яркого огня, визжала «боюсь!» и кричала: «уйди!»

Намучившись с Аленкой, Дарья по просту взяла ее на колени и стала баюкать ее обычной весеннею детскою песенкой.

«Невестка твоя, молодчика Викешы любимая кровинка». Батюшка свекор, отпусти меня! — просит Аленка, вскрикивает страшным другим придушенным голосом:

— Пусти!

И теперь понимает Викеша и не может понять. Верит и не верит. Бывает ли такое на земле? Хуже людоеда полковник Викентий Авилов. Мать съел, утопил на море, на охоте за нерпами, а теперь и вторую невестку, сыновнюю любовь, измял, надругался, загрязнил, как черная, злая зараза.

Викеша вспоминает свой неожиданный побег, пьяного отца, лежащего на лавке и рука его крепко сжимает воображаемый нож.

— Напрасно оставил, — думает он жестко.

Апрельское солнце садится в багровой широкой заре. Сверкает на Чукочьей Виске зеркальный и твер-

¹⁾ Синявка, синяк — молоденький песец. мех синявки отдают синим. Подростая, синявка становится недопеском.

¹⁾ Обнажившийся речной лед.

Куропатка вешняя,
У ней шея пестрая,
Куропатка бьется,
Руками не дается.

И Аленка затихла под эту немудрую песенку.

На утро старая Дарья максолка пришла к Викеше в комсомольскую поварню.

— Сказывай, чего с ней? — спросил напряженно максол.

— Бойтся она.

— Знаю кого! — промолвил Викеша сурово.

Дарья нахмурилась: — Ты, может, знаешь, а она вон не знает сама. Двое вас, Викентий, да Викентий, начальник, да начальник.

— Хорошие люди по двое не бывают, — прибавила Дарья. — Два волка в одной берлоге не живут.

— Чего стану делать? — спросил тихо Викеша.

— Что надо, то и делай! — рассудительно сказала старуха. — Нашу беду прогони, прогонишь и свою.

Через три дня Викешу пустили к Аленке.

Она немного успокоилась, но держали ее особо в маленькой темной поварне. Солнце жгло ей глаза, нагоняя весеннюю слепоту. Да и вообще на Колыме безумие лечат уединением и мраком.

Викеша вошел в поварню после яркого света, словно окунулся в чернила.

— Аленка! — позвал он тихонько.

— Кто ты? — спросила Аленка. И тотчас же ответила громко сама: — Викеши, сына твоего, родная очелинка.

Это была все та же неизбывная память, роковой разговор.

Викеша привык к темноте и увидел Аленку. Она сидела у стены на грубом оруне-скамье, съежившись, волосы ее распустились на плечи и грудь выступала наружу из разорванной рубахи. Старухи ее не переодели. В то время в городе Середнем у молодых людей не было сменной рубахи. На каждую спину—рубаха, и все тут.

Сердце Викеши сжалось безмерною жалостью.

— Аленка! — позвал он погромче и сделал шаг вперед.

И Аленка забилась на оруне, и крикнула: «уйди!», и протянула вперед отстраняющие руки.

— Уходи-ка ты! — сказала Дарья, стоявшая у изголовья в виде безмолвного свидетеля. Но Викеша упал на колени и протянул руки к своей очелинке и крикнул лвиным голосом:

— Аленка моя!

Это был громовой, лвиный голос Викентия Авиллова старшего. Но в этом отчаянном крике Аленка признала Викешу.

— Чего, Викеша? — отозвалась она и тотчас же шепнула: — Не плачь! — Ибо она видела, как у него по щекам катятся крупные слезы и стекают на грудь.

Аленка положила ему голову на плечо и шепнула на ухо: — Прогони его! — Она раздвоила, наконец, этот пугающий образ. Викеша был с ней, а полковник Авиллов прятался молча в углу и ждал притаившись.

— Я прогоню его! — пообещал Викеша.

— Совсем прогони! — сказала Аленка просительно. — Пусть уходит, отколь пришел.

Безумие ее миновало, и она думала теперь о реальной опасности от начальника белых карателей.

— Я прогоню его далеко, — пообещал Викеша. И мысленно прибавил: — На тот свет!

И он вспомнил свою прежнюю клятву: «Не опускать ружья, пока не истребит всех гадов-людоедов...»

Теперь эта клятва получила характер и личный и злобный: «Не опускать ружья, пока не убьет полковника Викентия Авиллова, родимого отца».

А Аленка шептала, как ребенок: — Побайкай, Викеша, меня, как байкают малых ребят.

И Викеша послушно присел на орун и запел, как суровая Дарья, ту же весеннюю песенку:

Куропатка вешняя,
У ней шея пестрая..

ГЛАВА XXV.

Авилловский отряд наступает на Горла с обозом, с пулеметом, с невиданной воинской силой, какую успел собрать настойчивый полковник Авиллов. У него, действительно, сотня ружей и десять тысяч патронов. Он снова привлек табачишком и чаишком тунгусов и чукок, даже среди поречан завербовал десятка полтора, не то добровольцев, не то новобранцев.

Еще раз Федотка Гуляев пришел из Черноусовой с приказом: «Уходите на тундру подальше». И камсолы с партизанами уходят. Так уходили когда-то бродячие вольные скифы от злого персидского Кира царя. Но весело идти через тундру новейшим подражателям персов. Солнце припекает, день нескончаемый, как год, по насту мчатся собаки, скользят неустанные лыжи, обшитые шкурой...

Пусто на Горлах. Безлюдно на Чукочьей Виске. Показался камсолский пикет. Авиллов приложился и выстрелил. Пикет исчез, но потом на снегу оказалось кровавое тело. Это был Кожаный Микша. Кожаная плоть не могла устоять перед меткою пуль Авиллова.

А вы присмотритесь, какое ружье у Авиллова. Это серебрянка, та самая, от мальчишка Викеши. Когда-то носила ее Дука и Викентий Авиллов стрелял из нее оленей, волков и лосей. Он починил ее ложе, и носит ее, как старую знакомую. Они, стало быть, поменялись с сыном. Сын захватил дорогую винтовку отца, а полковник — серебрянку, наследство колена Щербатых. В двойном переплете оба Викентия Авилловых, первый и второй.

И еще веселее Авиллову, что первым выстрелом из старого ружья он застрелил так метко и удачно первого противника.

Пикет отступил и все партизаны отступили.

— Сожгите заимку! — командует Авиллов. — Чтoб духу не осталось.

Башкиры и чувашы разбирают по бревну терпеливую работу партизанов, сбрасывают в кучи и ломают. Огромный костер встает над Чукочьей Виской. На тундре, не имеющей лесу, русские жгут безрассудно последнее топливо, принесенное морем.

Максолы не ушли далеко. Они отступили в естественную крепость, воздвигнутую морем, в деревянную щетку колючего холуя. Запрятавшись в гнездах, меж бревен, с собаками, с ружьями, они собираются выдержать атаку или дорого продать свою жизнь.

Авилловское войско вытягивается цепью вдоль холуя.

— Тут они! — твердо говорит похотский урядник, Мирон Кривогорницын. — Никуда не ушли.

Цепь начинает стрелять. Но стрелять в холуй, все равно, что колоть ножом воду. Пули щелкают в деревянные стволы и часто отлетают рикошетом назад. Не видно, во что метить. Но вот в холуе мелькнул белый клубочек дыма, как клубочек ваты. Ему негде развернуться между частыми стволами. Вылетела пулька, как оса, и пробила голову переднему башкиру

Кирееву. Это расплата за Кожаного Микшу, око за око, голову за голову.

— Пулемет, пулемет!

Подбзжает сатанинская брыкалка и начинает хлестать свинцовой спринцовкой по перепутанным ство-

Наводчик Михаев стоит у пулемета и поворачивает его в разные стороны, стараясь выискать в стволах местечко послабее. Тщетное старание. Щелк, щелк, щелк! — посакивают пули. А из холуя целится Бикеша из отцовской винтовки. Ему тоже не терпится обновить этот отцовский подарок, хотя и полученный против воли отца. Он целится лежа и стрелять не удобно. И пуля оттого попадает Михаеву не в грудь, а в плечо. Он падает навзничь, тотчас же встает и отходит, шатаясь, долой. Ему не до пулемета. И за пулей из холуя вылетает тоненькая стрелка и жалит башкира, погонщика при нарте, и тоже в плечо.

Скорее от холуя, прочь... Позорная штука. Зубчатые стрелы отгоняют от тундренной крепости стальной пулемет.

Авилов бранится худыми словами и зовет к себе Мирона.

— Как взять их?

Мирон пожимает плечами. — Сам видишь, какие стены!

— А если зажечь этот холуй?

Мирон смотрит на него с изумлением. Безумные каратели с юга готовы истребить и тундру и самое море.

— Нет, холуй не будет гореть. Дерево морское, пропитанное солью, не подвластно огню. Топливо выбрать возможно, а весь холуй не сжечь. Он лежит на земле от начала времен и будет лежать до скончания века.

Весенний день кончается. Темнеют небеса. Надо отходить от крепости камсолов, не сделали бы вылазки. Авилов отходит обратно до Чукочьей Виски к сожженному поселку.

Неделю Авилов стоит перед крепостью тундры и моря. В отряде начинается ропот. Палаток для всех не хватает. Теперь бы пригодились максольские поварни, кабы их не спалили. Странное внешнее солнце светит, да не греет. В полдень обжигает снега, а людей не согревает, скорее холодит. А, главное, ветры донимают.

Максолы прячутся в холуй, как песцы и горностаи. Но у них есть топливо, они разводят огонь из мелко наколотых чурок, прямо на земле, в своих гнездах, между торчащих стволов. Огонь догорает до конца, но холуя не сжигает.

ГЛАВА XXVI.

День за днем Авилов обходит холуй, стараясь отыскать в деревянной броне партизанов уязвимое

На снегу кровавое тело.

лам. Но русская военная наука бессильна перед этой стихийной постройкой природы. Не то что пулемет, пожалуй германская «берта» не пробьет этих естественных завалов. Все они сцеплены вместе и их не расплетишь, разве гиганскими клещами поднять сразу все вместе на воздух и переставить на другое место.

Двадцать раз он подходил совсем близко, подвергая свою жизнь опасности. Но еще не отлита пуля, которая могла бы поразить Викентия Авилова.

Он переходит даже за черту партизанских владений и заходит туда, где партизаны гуляют на воле, как и прочие люди. Он знает теперь холуй, как никто,

словно он сам его вынес из моря и разложил по тундре кучами мокрого дерева. Холуй тянется на три версты, а в ширину саженой на пятьдесят. В трех местах есть переузы. В одном переузе ширина не больше, как двадцать саженой. А есть и расплывы, озера, словно дерево расплылось по тундре.

Если по низу смотреть, смыкаются густо стволы и обломки, а повыше, на рост человека, стволы торчат реже, как неровная щетина, и в этой щетине попадаются просветы, местами, пожалуй, сквозь все переплеты стволов, от края и до края.

В холуе света довольно, там сидеть не темно. Зато если целиться поверху, то пули начнут залетать в середину, а, пожалуй, и насквозь возьмут. Плохо то, что снаружи не видно, где устроены гнезда камсолов.

На будущей неделе Авилов решил устроить генеральную атаку на камсолов. Он придумал оригинальный план. Казаки и чуваша и башкиры нарыли из под снега разного мху, сухого и мокрого, прошлогодней травы, сухих лишаев, какими питаются олени, надрали по низинам кустиков с корнями, и все это добро натащали к деревянному валу и уложили по краю длинной и корявой полосу.

Может, и впрямь Авилов собирается строить на тундре свой собственный холуй, белый против красного. Нет, он задумал другое. Он выбрал день, непогодный и ветренный. На тундре не долго выбирать. Все дни ветренные. Но нынче с утра дует ветер с востока, белым в спину, красным в лицо. Это ветер — союзник настойчивых карателей.

Авилов велит зажигать наложенные кучи. Огонь не разгорается и гаснет. Трудно зажечь такое скопление сырья. Но ветер помогает раздувать. И вот по немного затлелась одна куча, потом другая, — вся полоса тлеет и шипит, рождая густое облако дыма, перемешанного с паром. Дым тянет прямо на холуй и понемногу проникает в сплетение стволов. Он стелется снизу и восходит вверх. Холуй напивается дымом, как губка водой, и сам начинает дымиться. Тонкие и белые струйки выходят из холуя вверх. Можно подумать, что в холуе пожар. Словно Авилов умудрился поджечь морское топливо своим сырым и едким дымом.

Но замысел Авилова иной. Он развел дымокур, как разводят его летом против комаров и оводов и другого летучего гнуса. Без дыма огня не бывает, но дым — оружие не хуже огня. Авилов собирается выкурить прочь комсомольцев из их деревянной берлоги, как выкуривает шаман из чукотского шатра зловредных и незримых духов.

Неприятель наступает. Ослепленные камсолы не видят, в кого им стрелять и как защищаться.

Топорники, с баграми, с топорами, лезут за дымом в глубину деревянных сплетений. Они прорубают, растаскивают, раскидывают стволы, стараясь нащупать тайные проходы камсолов и добраться до их сокровенных невидимых гнезд. В дыму, в темноте, они работают, слепо, на-угад, но все же ожесточенно подвигаются вперед.

Трещит пулемет, наведенный поверху. Щелкают, сыплются пули, как свинцовые орехи. Иные залетают в глубину. Одна умудрилась пролететь сквозь самые узенькие щелки, ни разу нигде не задев, и вместо дерева впиалась в шею максолки Машуры Широкой. Ибо и девченки все тут с мальчишками, больше им некуда деваться. Широкая Машура уж очень широкая мишень. Не мудрено угодить в нее даже сквозь защиту бревен и жердей.

Ахнула Машура и упала бы назад, да некуда упасть. Тесно в деревянном переплете. Машура отключилась на гладкую слегу, зажимает рукою кровь и шепчет про себя:

— «И угодила каленая стрела девице Евпракsee под белую грудь, и пробилась ее белое тело, и источила кровь-руду горячую и силу-мочь живучую».

Машура унимает свою боль, рассказывая себе самой сказку, высокую торжественную сказку на русский богатырский лад. Ведь все эти последние дела такого богатырского торжественного склада.

ГЛАВА XXVII.

Неужели погибать партизанам и максолом?

Хмурится колымское небо. Должно быть, оно не согласно, чтоб максолы погибли. На западе встают над низким горизонтом волнистые тучи, как будто барьеры, и катятся к тундренной крепости. Это облачное войско идет на подмогу комсомола.

Четверть часа, — и ветер отходит на западный угол.

Просветлело в стволах. Ветер, как огромный насос, вытягивает дым из деревянных закоулков, дым бьет назад, в лицо карателям. Просветлело под холуем и теперь начинается бойня. Сквозь стволы неудобно стрелять. Но откуда то явились у камсолов огромные копья, в палец толщиной, в две сажени длиной, страшное оружие, когда увернуться некуда. Российские штыки против колымских копий, как шило против вертела.

Солдаты бросают багры и топоры, бросают даже ружья и лезут назад, стараясь выбраться из тесной западни. Максолы подобрали топоры и теперь они рубят бревна. Они размеряют и рассчитывают удары точнее, чем каратели. Вон на дороге бегущих топорников подрубленный ствол рухнет вниз, увлекая другие, прямо на шею двоим уползавшим башкирам.

Опять все по прежнему. Камсолы в дровах, каратели на воле. Холодно карателям. Ветер превращается в пургу, со страшною силой он отрывает частицы от льдистого убоя и раздобрывает их в колкие иглы и мчит через холуй, прямо в лицо карателям. Северное небо не шутит. Караваны, случается, в мае теряют дорогу и блуждают в снегу.

Другая беда пострашнее.

Вслед за небом вступилась и земля, — Каменная мерзлая почва, не тающая вечно. Российские огни пробудили в ее мерзлой груди искру волнения и гнева и мерзлая почва оттаяла, неожиданно расселась и открылось «окно», глубокий провал, какие бывают на тундре. Отчего происходят эти окна, никому неизвестно и никто их не мерил в глубину. Проедают ли их снизу теплые ключи или просто ледяная броня местами допускает прорехи, но такие провалы-зыбуны встречаются на самых неожиданных местах. И можно в зыбун провалиться с головой и мерзлого дна не найти под ногами.

Окна открываются летом. Но огни, разведенные злобой карателей, раскалились, как солнце, под ними растаяла верхняя корка, покрывавшая окно. Полковник Авилов может, действительно, гордиться. Творчество его превосходит творчество природы. Перед горами мерзлых скоплений неподвижного холуя он поколебал и заставил рассеяться неподвижную кору земли.

Разверзается трясина под ногами у белых, засасывающая мелкие лыжи и грузные нарты. Чукчи и походские казаки в испуге бегут. Они не выносят земных трепетаний и раскрытых зимою болот. А башкиры и чуваша возятся с обозом, тащат, и вытащить не могут. Нарта

с пулеметом садится в трясины задком, а дуга поднимается кверху и хобот пулемета глядит в небеса.

Безжалостные партизаны начинают стрелять по обозу из под верного прикрытия в стволах.

На подмогу, Карпатый Тарас. С исполинской силой Карпатый вытаскивает нарту наверх и свирепо погоняет собак. Но маленькие стрелки вылетают, как иглы, и пришиваются к земле, останавливая собаку за собакой. Карпатый не уступает и тянет к себе пулемет. Вот он вытащил его из расселины и выводит на окраину твердого убоя. Но хлопнула Викешина винтовка и пуля угодила в голову завязтому Тарасу и пробила во лбу аккуратную черную дырочку. Падает Тарас и вместе с пулеметом и нартою валится обратно в трясины. Пойди, выручи их.

Настала на белых беда. Был дорог пулемет, но дорожке стократно был веселый и хитрый вояка с Амура, гораздый на всякие выдумки, Карпатый, душа и веселье и хитрость отряда. Не было такого в отряде и не будет.

Кончилась удача белого похода. Каратели в панике бегут, оставляя обоз.

И тогда вылезают камсолы из своего надежного прикрытия.

Вот он, обоз! Все имущество, тут накопленное и награбленное белыми. Оно возвращается к законным хозяевам. А главное, военная машина — пулемет. Стальная змея, жалившая долго партизанов и камсолов, застряла в колымской трясине, не летом, а зимою, и нелепо поднимает к небесам свое обессиленное рыло.

Викеша пробегает мимо и хочется ему пнуть ее ногою и крикнуть: — Попалась, проклятая собака!

Но подбежать нельзя. Трясина не посмотрит, кто белые, кто красные. И Викеша высовывает чертовой штуке язык и бежит дальше.

Красные гонят карателей, как гонит их западный ветер.

Ветер немного улегся. По ту сторону Чукочей Виски, в открытом поле, Авилов держит последний совет. Его постигла судьба всех великих завоевателей. Союзники его покидают и он остается один. Похотские казаки заявляют угрюмо: «Мы уходим домой». Мирон Кривопривницын насмешливо шмыгает носом: «Знали бы, не приходили бы».

На это совещание чукчи совсем не пришли. О чем совещаться, — все ясно. Белые сразу потеряли главное оружие свое и главную святыню, — оставили в болоте без славы, без защиты пулемет. Они бросили свое счастье в трясины, с ними не стоит и опасно сообщаться.

Долго совещались белые каратели и прикидывали, что делать. И чувашский «говорок» неожиданно сделал заявку: «Мы тоже уйдем!» «Куда?» — ахнули солдаты, а с ними и Авилов.

И к изумлению Авилова они отвечали ему словами Викешы:

— Откуда пришли, туда и уйдем!

Они словно позабыли об южных врагах, лишь бы избавиться от этих надоедливых и странных северных сражений. Надо было торопиться и уходить на поиски этого «куда». Усталые камсолы пока не напирала с тылу, но западные ветры и ветрихи¹⁾ были хуже камсолов и гнали пришельцев с бабьей сварливостью и плевали им снегом в лицо.

Распался и окончился великий поход Авилова на колымских партизанов, как распадаются великие планы всех завоевателей.

(Окончание следует).

Чудеса растительного царства

Общеизвестно, что растения дышат подобно животным и людям. Своими листьями, исполняющими у них роль легких, они поглощают из воздуха углекислоту, выдыхаемую животным миром, и взамен ее отдают кислород.

Работы английского биолога Боза теперь открывают еще новые, изумительные свойства растений.

Всем известен цветок мимоза; за особую чувствительность, заставляющую его буквально замирать при малейшем прикосновении, он прозван «мимозой, не тронь меня».

Много лет наблюдая растения, Дж. Боз создал совершенно новую область естествознания — «фитопсихологию», т.е. науку о душевной жизни растений.

Он заметил, что не только мимоза, но и все растения, подобно животным реагируют на внешние и даже внутренние раздражители. И мало того, при помощи особо чувствительного прибора ему удалось не только уловить, но и сосчитать правильную пульсацию у растений, напоминаящую пульсацию крови в животном организме.

Характерно, что на солнце число пульсаций увеличивается, снижается в тени и приобретает прерывистый характер при освещении испытуемого растения электричеством.

Дальнейшие любопытные явления наблюдались Бозом когда растения подвергались действию хлороформа, алкоголя и др. Захлороформированные растения буквально засыпали, в них почти прекращалось дыхание, пульсация сводилась к нулю. Самое интересное, что после пробуждения такие растения проявляли буйный рост. Так, после хлороформирования лилия зимой в 20 часов покрывалась

листьями, а ростки пшеницы в 16 часов давали хорошую трубку.

Введенный же в растение алкоголь действовал на них совершенно так, как и на людей. Запись регистратора делала кривые, скачкообразные зигзаги, пульсация начинала переходить в беспорядочные толчки. Словом, по замечанию Боза, растения в точности копируют поведение пьяного.

Ряд других опытов, проделанных Бозом, с несомненностью доказывают сходство движения листа растений с мускулатурой животных. Подвергнутые действию электрического тока, листья с правильным чередованием реагировали на ток сжатием.

Опыты Боза позволили сделать ему выводы о том, что растения, подобно животным и людям, имеют нервы. Они только не объединены, как у животных, в целую нервную систему, но рассеяны по всему телу растения отдельными клетками.

Опыты Боза позволили сделать ему выводы о том, что ряду ученых удалось химическим путем в колбах и пробирках своих лабораторий создать подобие простейших растительных форм.

Таков новый шаг к раскрытию происхождения жизни на земле, шаг к объединению трех разрозненных до сего времени миров — мертвого, растительного и животного — в единое целое царство природы.

Не даром на одной из книг Дж. Боза стоит эпиграфом изречение мудрой индусской книги Риг-Веды: «Все существующее — едино. Только наши мудрецы дают ему различные названия».

В. Г.

¹⁾ Ветрихи — «жиские ветры», преимущественно западные.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КЭТЛЬ

Рассказ К ХАЙН.

Рисунки Г. Фитингофа.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ.

Капитан Овен Кэтль сложил только-что прочитанное письмо и, сунув его в карман, снова зажег свою погасшую сигару. Затем он достал лист бумаги, огрызком карандаша и попробовал писать стихи: так он это всегда делал, когда находился в большом затруднении. Однако, сегодня рифма никак ему не поддавалась. Тогда он решил изменить размер стиха на мелодию «Возвращение лебедей», но слова не подходили. Но, может быть, ритм станет удобен на мотив «Покрытые снегом Гренландские горы»?.. В этой вещи он был особенно ловок и уже не раз, благодаря ей, достигал значительных успехов.

Однако, и это не помогло. Каждый раз у него оказывалась пара лишних стихов. Красное поле маков, которыми сейчас занималась его муза, бледнело все больше и больше. Искусство отказывалось и он не мог подчинить себе свои все время разбегающиеся мысли.

Тогда он положил карандаш и вздохнул. Потом, нахмурив лоб от досады на свою нерешительность, снова вытащил открытку из кармана и внимательно перечитал ее от начала до конца.

Капитан Кэтль все свои решения обычно составлял в промежутках времени, какой нужен на револьверный выстрел, и правильно или нет его решение, он уже упорно за него держался. Однако, здесь, в этой открытке, дело шло о вещах, в которых он никак не мог с собою столкнуться. Интересы, о каких здесь говорилось, были слишком значительны, чтобы их можно было решать одним взмахом, и поэтому, маленький капитан Кэтль так невыразимо сердился на свою беспомощность.

Открытка была анонимная и ни своей формой, ни содержанием не давала ни малейшей возможности угадать автора. Письмо было напечатано на машинке и, как показывал штемпель, опущено в Нью-Кестле. Пославший ее сделал все, чтобы сохранить свое инкогнито. Но его сообщений, если они были правдивы, вполне хватало, чтобы запрятать кое-кого в тюрьму. И вот намеки этого анонимного автора привели нашего капитана в большое беспокойство.

Конечно, это превосходный принцип — оставлять анонимные письма без внимания; однако, на практике ему отнюдь не легко следовать. Само собой разумеется, Кэтль совершенно не ломал себе голову над моральной правотой такого рода корреспонденции. Наоборот, слова: «От Вашего доброжелателя», стоявшие в конце письма, особенно привлекали его внимание. Самое письмо гласило:

«Ваше судно выходит в море, чтобы никогда не дойти до намеченной гавани. Суть дела в том, чтобы облопошить страховое общество. Я хорошо знаю, что вы считаете себя очень хитрым. Однако, теперь вас проведут все-таки за нос или, если вам охота еще точнее, вы будете козлом отпущения».

И вот какими словами заканчивал неизвестный свое письмо: «О том, как поведется все дело, я Вам частностей сообщить не могу, но то, что гибель судна — дело решенное, это я знаю определенно. Глядите, поэтому, в оба, и, если вам удастся счастливо довести «Султана Лабуана» до места и вновь счастливо вернуться, то очень возможно, что Вас ожидает солидное вознаграждение от Вашего доброжелателя».

Пока капитан Кэтль читал это послание, его бушевали самые различные чувства, в числе которых была и лояльность по отношению к судовладельцу, м-ру Гэджу. Правда, м-р Гэдж уже раз обманул его, но все обошлось довольно хорошо, так как теперь он поручил ему командо-

вание «Султаном Лабуана». А он, Кэтль, имел право на доверие судовладельца, чтобы знать подлинные его намерения.

И вот перед ним встал вопрос: каким же образом он теперь постигнет желания судовладельца? До этого момента он говорил себе, что пустит «Султана Лабуана» с наибольшей быстротой, допустимой при известном расходе угля. Он думал также свести все расходы до минимума и всеми средствами, какие только у него имелись, добиться для своего парохода наибольших дивидендов. А вот эта полученная открытка указывала на совершенно противоположные цели, которые, насколько он знал м-ра Гэджа, казалось ему далеко не лишенными правдоподобия. Его хотят сделать козлом отпущения...

Кэтль стукнул кулаком по лежащему перед ним на столе поэтическому отрывку.

— Чорт возьми! — проворчал он. — Использовать меня как пешку? В таком освещении я вовсе еще не рассматривал дела. Ну-с, выясним-ка сперва получше, в чем тут суть...

Он встал, сунул голубую открытку в карман и взял свою фуражку.

Внизу в кухне миссис Кэтль хлопотала над семейным бельем.

— Милочка! — крикнул он ей. — Я иду в Нью-Кестль. Надо кое-что выяснить в конторе м-ра Гэджа. С чаем меня не жди.

По дороге от Саут-Индеса, вплоть до мрачной конторы своего судовладельца, капитан Кэтль обмозговывал, как бы ему поудачнее начать разговор с м-ром Гэджем на эту деликатную тему. Владелец назначил его капитаном «Султана Лабуана» и ни одним словом не обмолвился, что хочет отделаться от этого судна. Каким же способом мог он, Кэтль, принудить такого испытанного дельца к доверию и откровенности? Предприятие поистине казалось безнадежным. И кроме того, хотя Кэтль всегда был смел и хладнокровен даже в наиболее трудные моменты жизни, он все таки не был лишен той своеобразной робости, присущей большинству капитанов, которую они испытывают, когда им необходимо предстать перед своим нанимателем в его берлоге.

Вот в каком настроении он вошел в кабинет м-ра Гэджа, сидевшего за своим большим письменным столом и занятого подписыванием лежащей перед ним груды писем. В промежутках он диктовал несколько фраз сидящей тут же за столом молодой женщине.

Повидимому, он был очень недоволен, когда Кэтль помешал ему. Нахмуря лоб, он обернулся к нему.

— Ну-с, капитан, что скажете? Выкладывайте. Я умею слушать, подписывая свои письма.

— Я желал бы поговорить с вами об одном частном деле, м-р Гэдж. Дело идет о судне... — начал Кэтль.

— Вы желаете, чтобы мисс Пайн покинула нас?

— Если осмелюсь просить ее об этом.

Гэдж сделал движение головой по направлению к двери.

— Пока печатайте то же, что только-что простенографировали. — Машинистка исчезла и заперла за собой дверь. — Ну-с, Кэтль?

Не зная, как ему начать, капитан Кэтль замаялся.

— Вперед, капитан, у меня времени в обрез.

— Я просил бы, чтобы вы несколько подробнее и, конечно, с полным ко мне доверием, высказали свои пожелания насчет этого судна. Вы хотите, чтобы я, я хочу сказать, что...

— Да смелей же, старина, выкладывайте!

— Когда вы желаете, чтобы судно возвратилось?

Гэдж откинулся на спинку стула и похлопал вставочкой по своим зубам.

— Послушайте, капитан! — сказал он. — Ведь не для того вы явились сюда, чтобы нести всякую ересь? Все распоряжения вы уже получили. Я знаю — вы не алкоголик, иначе я подумал бы, что вы порядком нализались. Здесь что-то другое. Ну-ка, поднатужьтесь!

— Я и в самом деле не знаю, как мне начать.

— Бросьте же, наконец, декламировать. Если у вас есть что мне рассказать, то выкладывайте, а нет, так... — и м-р Гэдж, нагнувшись над своим столом, снова принялся за подписывание писем.

Капитан Кэтль отнесся к такой грубости очень спокойно. Он вздохнул, подумал немного и, наконец, вытащив из кармана открытку, положил ее на стол судовладельца. Только просмотрев еще несколько страниц и подписав их, м-р Гэдж взял открытку и прочитал ее. И лицо его побавровело, Кэтль это прекрасно заметил, однако, ничего не сказал. Некоторое время оба молчали. Гэдж стучал встачкой по зубам и, казалось, погрузился в размышления. Затем он спросил:

— Откуда это у вас?

— Получена по почте.

— А почему вы ее ко мне принесли?

— Я думал, что вы, может быть, сообщите мне некоторые подробности?

— Вы кому-нибудь еще показывали ее?

— Нет, сэр.

— Правильно! Ведь еще так недавно я вытащил вас из тисков и вы сами сказали мне, что благодаря моему авансу могли взять из заклада платье вашей жены.

— Я в самом деле весьма признателен вам, м-р Гэдж, что вы дали мне место и, пока служу, я всегда буду вашим покорней-

— Да кто же требует этого? — спросил Гэдж с веселым лицом. — Уж только не я. Не делайте капитан, слишком поспешных заключений. Я абсолютно не хочу терять «Султана Лабуана». Охотно соглашусь, что он далеко не одно из лучших моих судов, однако, по сию пору я отлично мог пускать его без всякого для себя ущерба. И если бы даже я не мог уже отправлять его, то вовсе не намерен рисковать своими дивидендами в страховом обществе. Нет, милейший капитан, я дорожу так доброй славой своей фирмы.

Капитан Кэтль облегченно вздохнул; точно камень свалился у него с души.

— Рад слышать это, м-р Гэдж. Я сразу понял, что и, жно именно с вами выяснить это дело. Проклятое письмо совсем меня расстроило.

Гэдж ядовито заигмал.

— Ради вашего успокоения, я уж, так и быть, поделюсь с вами, что письмо это я сам написал.

Кэтль отпрянул. Это было слишком невероятно.

— Или, чтобы уже до конца быть точным, я поручил

— Откуда это у вас?

шим слугой. Я знаю, конечно, что судно не так уж старо, однако...

— Однако?..

— Оно слишком накладно, чтобы часто ходить на нем. Машина старомодна и жрет уйму угля. И даже если бы вы захотели поставить на ней три новых котла, то и тогда она не оплатит себя.

— Понимаю! Вы оказывается, больше знакомы с судном, капитан, чем я сам его знаю. Я слышал, что у себя дома вы святоша, но в море не скажу, чтобы вы славилась особенно тонкой совестью.

— Я, м-р Гэдж, человек, которого горькая нужда довела почти до отчаяния. Однако, некоторые вещи я все-таки не в состоянии выполнить. Я знаю, конечно, что, подобные случаи теперь входу, но тут мне придется отказаться от командования вашим судном. Сознательно потопить его для вас я не в состоянии!

напечатать его на машинке. Вы как будто не верите мне. Чорт возьми, вы уж очень недоверчивы!

Гэдж нажал одну из электрических кнопок возле своего стола. Машинистка открыла дверь и остановилась у порога.

— Мисс Пайн, ведь это вы печатали это письмо, не правда ли?

Мисс Пайн подтвердила.

— Благодарю! Этого достаточно. Ну-с, Кэтль, надеюсь, вы теперь довольны? Я послал вам эту открытку, чтобы проверить вашу хваленую честность. Теперь я убедился в ней и могу уверить вас, что ваши денежные обстоятельства улучшатся в самом непродолжительном времени. Если капитаны, с которыми я имел дело, оказывались гнилыми субъектами, то теперь я нашел, наконец, приличного человека, которого сумею оценить. Теперь прощайте капитан и счастливого пути. Если сейчас вы успеете

еще на скорый ночной поезд, то завтра перед обедом вы уже будете в Нью-Порте как раз, когда судно войдет в док. Примите его тотчас же. Мы не должны терять времени. всего лучшего! Извините, но у меня еще масса работы...

Однако, несмотря на количество работы, м-р Гэджд по уходе капитана все-таки не сразу взялся за подписывание своих писем. Вместо этого он вытащил из кармана носовой платок и без всякой, повидимому, причины вытер выступивший у него на лбу пот. Затем он некоторое время сидел, откинувшись в своем стуле с видом человека, которому дурно.

А в это время капитан Кэтль шел своей дорогой и напевал себе под нос веселенькую песенку. И ночью, когда двенадцатичасовой поезд грохотал по Нью-Кэстльскому мосту, он уютно примостился в уголок своего купе с чистой совестью человека, обрешенного, наконец, после долгих мытарств честную деятельность.

Когда двенадцать часов спустя, Кэтль сошел в Нью-Кэстле, поднявшийся из Бристольского канала туман обдал его густым, холодным облаком. Свой маленький потертый чемодан он мог бы и сам отлично стащить, однако, в таких вещах есть свой этикет, который соблюдают даже совершенно прогревшиеся капитаны, у которых в кармане всего один шиллинг. А потому и капитан Кэтль нанял кэб, и поехал в контору агента, чтобы там лично ему представиться. И там же он узнал, что всего лишь час как «Султан Лабуана» вошел в док. Кэтль сейчас же отправился на борт, чтобы принять судно.

Далеко не приятное занятие — вытеснять другого человека с его места. Кэтль сам часто бывал уволен таким же образом и отлично представлял теперь самочувствие человека, место которого он должен был занять. Но тем неожиданное и удивительное показалось ему тот приветливый прием, какой он встретил. Вильямс, прежний капитан «Султана Лабуана», передал ему командование судном с такой открытой готовностью, которая ясно показывала, насколько сам он был рад развязаться со своей ответственной службой. А от странного любопытства, с каким его рассматривал прежний капитан, Кэтль почувствовал сильное смущение. Однако, его предшественник оказался не особенно общительным.

— Вы выглядите утомленно! — сказал Кэтль.

— Все может быть! — ответил капитан Вильямс. — От самой Темзы я глаз не сомкнул.

— Что ж так, разве стояла дурная погода?

— Нет, этого я сказать не могу. Погода стояла достаточно хорошая, разве чуть туманная.

— Так отчего же вы не поставили вахтенного?

— Из страха потерять судно, капитан. До сих пор я еще не был под морским судом, охотно буду избегать знакомства с ним и впредь.

— Вы правы! — заметил Кэтль. — Это сволочная компания. Я успел познакомиться с ними.

— Похоже на это! — сухо ответил Вильямс.

— Послушайте! — вскипел Кэтль. — Что вы хотите сказать этим?

— Ничего плохого, капитан! Я не издам больше ни звука. Мне кажется, я и так уж слишком разболтался. Это, конечно, от усталости. Давайте лучше кончим наш разговор. Итак, все судовые документы находятся вот в этой жестяной коробке.

— А мне, наоборот, очень бы хотелось вас послушать.

— Сожалею, капитан, но я лучше воздержусь. Насколько я знаю, мы сегодня видимся впервые, не правда ли?

— По крайней мере, я не помню, чтобы я где-нибудь уже встречался с вами.

— Ну, так вот, я совершенно не сомневаюсь, что вы очень милый и любезный человек. Однако, никак не могу помириться с тем, что вы для меня абсолютно незнакомы. Кроме того, вы сейчас на службе у Гэджа, а я нет. Вы ведь, наверное, знакомы с нашим замечательным английским законом об оклеветании, капитан? Ведь он позволяет задержать всякого, безразлично, говорит ли он правду или врет.

— Что английские законы пакостны, это верно!

— С меня достаточно читать о них в газетах. Ну-с, что вы скажете, капитан, если мы сейчас с бумагами сойдем на берег? Вы распишитесь в приеме, я в сдаче, а после мы можем выпить по стаканчику виски, если вы хотите, чтобы показать только, что между нами нет взаимного недоверия.

— Вы очень любезны, капитан! — сказал Кэтль. — Будьте покойны, у меня и мысли не было выжить вас со службы. Но если бы не я, так все равно кто-нибудь другой.

Вильямс живо повернулся к нему.

— Не подумайте только, капитан, что вы этим причиняете мне какую-нибудь обиду. Только не это! Никогда

еще в жизни я так не радовался потере места, как теперь, когда я могу, наконец, расстаться с этой капитанской каютой. Хочу только надеяться, что и вам не окажу плохой услуги, допуская занять это место.

— Чорт возьми! — вскричал Кэтль. — Да выкладывайте же, наконец! Бросьте все туманные намеки!

— Я неимоверно разболтался, капитан, не спрашивайте лучше. От усталости это, право, и извините, если я теперь замолчу. Все время мне вспоминается проклятый параграф оклеветания. Итак, вот ключ от капитанской комнаты. Дайте мне выйти первому, вы можете тогда запереть за собою дверь. Один из стаканов возле графина сломался. Он выпал у меня из рук сегодня утром, сразу как только мы вошли в док. Весь остальной инвентарь в исправности. За стакан можно вычитать с меня три пенса.

С этими словами он перешел прямо к делам, пока не сдал по всей форме окончательно своего судна новому капитану. Усталость капитана Вильямса, казалось, уже перешла все границы сил. Лежавшая до этого момента на нем обязанность еще заставляла его крепиться, теперь же, окончательно разделившись с ней, он производил впечатление лунатика. Веки его почти закрылись, речь перешла в лепет, а ноги отказывались дальше служить. Если бы Кэтль не напряг всей своей силы, не дотаскил бы его до ближайшей гостиницы и не уложил бы его в кровать, то он, наверное, упал бы на мостовой и спал бы там как мертвый. А теперь он лежал в кровати и крепко спал, вытянувшись на одеяле, как изображение мужчины, донельзя обессиленного от напряженного дежурства и беспрестанной тревоги. Некоторое время Кэтль постоял около его кровати в раздумьи.

— Если бы я мог заставить тебя говорить, дружок! — проворчал он. — Мне кажется, ты нарасказал бы мне достаточно любопытных вещей.

Но Кэтль не мог задерживаться долго возле своего отдыхающего предшественника. Он сам был теперь капитаном «Султана Лабуана», а каждая потерянная минута представляет собой для судна потерянные деньги. И живо отправившись в южный док, он тотчас же заставил всех двигаться на борту парохода. Штурманы, машинисты и команда принялись за работу неохотно, однако, капитан Кэтль объяснил им сразу же, что такова их проклятая обязанность сейчас же выкачать из трюма воду, погрузить уголь и сделать это не просто скоро, а моментально.

Конечно, люди заворчали и за его спиной даже раздались проклятия. В течение дня двое матросов и три истопника дезертировали, но их заменили новые люди и работа шла без перерыва, сперва при свете туманного дня, а затем при ярком освещении электрических ламп. Поминутно с грохотом бросался вниз уголь, наполняя воздух толстой, зернистой пылью. То и дело одна за другой подкатывались по рельсам вагонетки, которые поднимались гигантскими гидравлическими руками, обрасывались и, спустившись, вновь катились за новым грузом. Двести тонн в час давала такая гидравлическая погрузка угля и ни на одно мгновение работа не прерывалась.

Вплоть до своей ватер-линии осело судно и только тогда закончилась погрузка. Даже Кэтль не решился перегрузить свое судно. Он отлично знал, что где-нибудь на берегу представитель «Союза матросов и истопников» остро следит за ним и если «Султан Лабуана» хотя бы всего на один вершок будет сидеть глубже положенного, то ворота дока окажутся для него закрыты.

Уже за полчаса до того, как была выгружена последняя вагонетка, Кэтль позаботился о всех бумагах и нанял лоцмана. И когда последняя вагонетка была, наконец, сдана на берег, он своим легким шагом поднялся на капитанский мостик.

Лоцман уже ожидал его. Покачивая головой, он следил за суетой на палубе и затем с выражением неподдельного удивления стал разглядывать нашего маленького капитана. Старый штурман с багровым лицом стоял на баке вместе с плотником. Второй штурман находился на своем посту на баке, первый и третий машинисты — у дроссельного клапана и у передаточного механизма. Вся команда послушно выполняла все распоряжения своего нового командира. Измученные, покрытые пылью, они были теперь готовы бегать и лазить по малейшему кивку капитана.

В Бристольском канале прилов поднимался очень высоко, что очень усложняет навигацию, благодаря стремительному течению. Быстрота — лозунг тех, кто не хочет опоздать к подъему воды и потерять целых двенадцать часов. Лоцман уверял, что дальше идти нельзя, но капитан Кэтль был другого мнения и решил маневрировать с «полным ходом назад» и «полным ходом вперед» так, что у лоцмана волосы дыбом встали.

— Чорт меня побери, капитан! — сказал он, когда они счастливо выбрались из реки. — Вы здорово управляете своим судном.

— Подождите, пока я его больше узнаю, тогда уж вам кое-что покажу.

— Ну, знаете, для этого мои нервы недостаточно крепки. Однако, послушайте-ка, капитан, в один прекрасный день вы все-таки нарежете, маневрируя таким темпом между доками и быками мостов.

— В жизни еще ни разу ни одной доски не согнул!

— Тогда от души желаю вам того же и в будущем. Мне еще не приходилось встречаться с такой отвагой.

— Квартирмейстер! — сказал Кэтль. — Прикажите моему стюарду подать сюда два стакана виски. Когда вы мне делаете такие комплименты, я чувствую себя точно молоденькая девушка в новом платье. И чтобы не покраснеть, мне необходимо выпить.

— Ну, — сказал лоцман, когда виски было принесено, — желаю вам всегда полной загрузки, капитан, и хорошей погоды.

Виски приятно обожгло горло обоим морякам.

— Кстати! — сказал лоцман. — У меня здесь есть еще кое-что для вас, капитан! — И он вытащил из кармана почтовую открытку.

— Адрес написан на машинке, — заметил Кэтль, — а на марке нет штемпеля. От кого это письмо?

— Я не знаю этого человека, которого встретил по дороге сюда. Он сказал, что вы будете рады получить письмо, прежде чем выйдете в море, так как в нем есть одно очень важное сообщение.

Кэтль оторвал кантик и быстро пробежал содержание.

Это опять было анонимное письмо от «доброжелателя», предостерегавшего о махинациях м-ра Гэджа.

— Вы совершенно не знаете, кто был этот мужчина, который подал вам письмо? — спросил он.

— Нет, своего имени он мне не сказал. Мы выпили по стаканчику и в разговоре мне показалось, будто он имеет дела со страховым обществом. Я думал, что это ваш добрый знакомый.

— Я тоже так думаю, — сказал Кэтль, — да только не совсем в этом уверен.

Уже в самом начале путешествия «Султана Лабуана» проявились всевозможные пробелы. Судно еще не вышло из Уска, когда выяснилось, что трем из команды удалось незаметно улизнуть на сушу. Само собой разумеется, что эти люди не могли быть больше заменены новыми. И еще не выйдя из илесто-коричневой воды Бристольского канала, судно уже дважды застопорилось на продолжительное время, пока не удалось на скорую руку закончить необходимую починку в машинном отделении. Машины «Султана Лабуана» были его самым больным местом, но в общем судно было еще вполне надежное. Однако, несмотря на это, благодаря своей старой, нещадно пожирающей уголь машине, это выносливое судно все ближе и ближе придвигалось к границе, когда прибыль переходит в убыток; эту границу, благодаря острой судовой конкуренции, «Султан» должен был скоро перейти.

С Мургастройдом, старым штурманом с багровым лицом, Кэтль уже и раньше ходил в море. Между ними существовала невысказанная антипатия, которая, однако, не исключала взаимного уважения. Когда лоцман покинул судно, штурман поднялся на мостик, чтобы с самого начала получить разные инструкции.

— М-р Мургастройд! — начал Кэтль. — Оставьте люки открытыми и по мере сил заботьтесь о вентиляции. Этот уэльский уголь так же вонюч, как и керосин.

— Отлично! — хрюкнул старик. — Но что делать, когда поднимется шторм, и палубу зальет водой?

— До тех пор вы получите от меня новые распоряжения. Теперь же приведите в движение рукав и ополосните палубу. Судно похоже на стойло.

— Да, но люди устали, как собаки.

— В таком случае, ваша обязанность подбодрить их. Я думал, вы достаточно долго ходили, чтобы знать это. Если же вы не чувствуете себя подходящим для своей должности, то вам следует только сказать мне, и вы тотчас же сможете поменяться местом со вторым штурманом.

Лицо у старого штурмана стало пурпурным. Он спустился и, по освященному традицией методу, погнал своих измученных матросов на работу.

Но капитан Кэтль так же мало щадил самого себя, как и своих людей. Уже раньше у него зародились сильные сомнения, не скрыл ли от него м-р Гэдж своих настоящих планов, а эпизод с мисс Пайн, машинисткой, тоже не рас-

сеял их. Полученное через лоцмана второе анонимное письмо все для него разъяснило. Понятно, что Гэдж так же не писал второго письма, как и первого. И дальше тоже было ясно, что Гэджу хотелось избавиться от своего бездоходного судна и каким-то способом помешать ему дойти до намеченной гавани. Однако, здесь «доброжелатель» вторично употребил слово «козел отпущения» и этот незнамец не смог подыскать лучшего повода, чтобы как следует настроичить маленького капитана против Гэджа.

Зловещее выражение легло на лицо Кэтля, когда он подумал о содержании второго письма. «Чорт возьми! — пробормотал он. — Я покажу ему, что со мной шутки плохи».

Однако, это было легче сказать, чем сделать. Если действительно существовал заговор потопить «Султана Лабуана» то было десять шансов против одного, что Кэтль узнает о нем лишь тогда, когда будет уже поздно. Кто в нынешнее время составляет подобный преступный план, тот должен быть не только человеком без совести, но также и большим ловкачем. Эти изобретательные джентльмены, подкупая все и вся для гибели судна, главным образом заботятся лишь о том, чтобы самим остаться в стороне и выйти из воды сухими, так как перед законом они испытывают неимоверный страх.

Очевидно, что орудие такого сволочного судовладельца находилось тут же на борту. И то, что от своих подчиненных Кэтль ни в каком случае не получит об этом никаких сведений, он знал также хорошо. Капитан парохода, по стародавнему морскому обычаю, находится вне общения с командой. На море он полновластный диктатор и на него смотрят с некоторым почтительным страхом. Его родной брат, если он, как это часто случается, находится на корабле штурманом или машинистом, перед капитаном должен забыть о своем родственном «ты».

Единственная личность, с кем капитан иногда может побеседовать, это первый машинист. Но даже и с ним Кэтль поспорил в первые же десять минут из-за комиссии по осмотру. Держать своих людей так, чтобы они на слово его слушались, наш маленький капитан умел превосходно. Однако, защищая интересы судовладельца, он чувствовал, что делает себя ненавистным для своих подчиненных.

Уже в начале поездки у него произошло столкновение со своей командой. Когда переутомленные матросы отказались итти мыть палубу, а старого неуклюжего Мургастройда по-просту повалили и истоптали, то неожиданно среди них появился их маленький, элегантный капитан и, схватив палубную щетку, принялся колотить направо и налево. Вначале люди думали разделиться с ним, так же быстро, как это случилось со старым толстым штурманом, однако, скоро поняли, что ошиблись. Кругом появились окровавленные лица и на многих европейских языках раздались крики боли и проклятий. Но едва ли и таким путем Кэтль мог завоевать расположение своей команды.

Когда в ту же ночь он стоял на мостике, из темноты неожиданно вылетел железный кофель-нагель и сорвал фуражку с его головы. А на рассвете, всего на вершок от его уха, просвиствел большой кусок угля и с треском разбился о переднюю стенку рулевой будки. На первый знак такой внимательности Кэтль ответил тремя мгновенными выстрелами, прежде чем метнувшийся успел опомниться, а при втором знаке, он в два прыжка схватил преступника за воротник и, втащив его на мостик, «ласково» заставил его подмести все валявшиеся там кусочки угля. И состоявшая из всех национальностей команда пришла к убеждению, что ее капитан слишком уж неприятное существо, чтобы с каким-либо успехом изменить его, а потому решила не трогать его ради собственной же сохранности.

Между тем «Султан Лабуана» держал курс на Финистерра. Барометр постепенно падал. Холодный и резкий ветер; обычная погода, какая всегда бывает в это время года. Люки стояли открытыми, и сильный углекислый газ поднимался из них, смешиваясь со свежим воздухом.

Недоверие каждого северного моряка к так называемому «Даго»¹⁾ было слабостью и капитана Кэтль. Поэтому он так же зорко следил за своим вторым штурманом, молодым итальянцем, как кошка за мышью. Если уж кто-нибудь, то именно этот человек, по его мнению, должен был быть орудием м-ра Гэджа; правда, все поступки его были действительно невинны и естественны, но это делало его для капитана Кэтль еще более подозрительным. Также можно было подозревать и машинистов, которые во всякое время могли чорт знает что натворить с машиной или насо-

¹⁾ Даго—испанец, португалец и т. д., словом человек латинской расы.

сами. Но постоянно следить за ними было невозможно, так что волей-неволей Кэтль вынужден был положиться на их честность.

Неповоротливый, неуклюжий, старый Мургатройд был в сущности единственным, за которым Кэтль не следил просто потому, что считал его слишком глупым для такой, рискованной задачи. И Мургатройд был единственным человеком, которому он доверился.

— Я узнал, что это судно хотят потопить, так как оно слишком дорого обходится, чтобы им пользоваться. Насколько это верно, — я не знаю. По крайней мере, м-р Гэдж мне сам лично заявил, что совершенно не желает его потерять, ибо все-таки оно ему приносит доход. А потому я во что бы то ни стало доведу его вплоть до Порт-Саида. Я хотел сообщить вам, что если только наше корытце, в самом деле, во время пути где-нибудь пойдет ко дну, то и все мы, вместе с ним, отправимся туда же. С судна не уйдет ни одна душа, хотя бы мне пришлось для этого перестрелять всех собственной рукой. Вот почему было бы полезно оповестить об этом людей заблаговременно. По крайней мере, зачинщик понял-бы, что у него никакой возможности нет выйти живым из этой истории. Вы, ведь, понимаете, что я хочу сказать?

— Еще бы! — буркнул штурман.

— Как-нибудь напомним им об этом при удобном случае, понимаете?

— Вполне! А сейчас не лучше ли нам завинтить люки? Погода явно портится и волны уже захлестывают. С насосами там, внизу, еле управляют.

— М-р Мургатройд! — вскрипел Кэтль. — Вы капитан этого проклятого судна или я? Будьте-ка так добры предоставить мне самому отдавать нужные распоряжения, а теперь можете убираться с мостика.

— Есть! — был ответ и, тяжело переваливаясь, штурман удалился.

Его замечание насчет люков задело у капитана больное место. Он сам отлично сознавал, что опасно было оставлять на палубе открытыми такие большие отверстия. Наваливалась высокая волна и осно-

Поднимаясь из воды почти всей своей кормой.

вательно нагруженное углем судно работало порывисто и тяжело. Кэтль и так уже уклонился от курса, чтобы только разрезать больше носом набегающие волны. Однако, он все продолжал держать люки открытыми. Уголь содержал громадное количество газа и, при отсутствии вентиляции, возможность ужасного взрыва сделалось бы вероятной. Машины и котлы были обособлены и оттуда не грозила опасность. Однако, в других отделениях судна тонкий газ уже распространился, это чувствовалось по запаху. Неосторожно зажженной спички было вполне достаточно, чтобы вся палуба взлетела на воздух. Кэтль абсолютно не имел никакого желания таким манером пойти навстречу невысказанным планам м-ра Гэджа.

И все же дольше он не мог обманываться в том, что море, по мере их приближения к Бискайскому заливу, становилось все бурнее. Наконец, ему осталось только одно: плотно закрыть все задние и носовые люки или дать судну затонуть. Час за часом расхаживал он взад и вперед в своей мокрой непромокаемой одежде по капитанскому мостику, следя с напряженнейшим вниманием за судном. Вплоть до крайнего момента не отдавал он долгожданного распоряжения. Наконец, приказал завинтить люки, и оба вахтенных наперегонки бросились помогать плотнику. Люди с напряженным страхом дожидались этого момента. Им казалось сущим безумием, что при такой буре их маленький капитан так долго держал люки открытыми.

По пояс захлестываемые водой, стояли матросы у тяжелых крышек, затягивая их тройной прессованной парусиной. И, наконец, подобно амфибии, работая то над водой, то под водой, плотник-норвежец плотно завинтил клин. На «Султане Лабуана» не было вентиляторов для грузового отделения, а если кое-какие и имелись, то их сорвала беспрестанно хлеставшая по палубе вода. И как только люки оказались закупоренными, в испаряемый углем газ начал проникать воздух, пока все судно не превратилось в невероятную, колоссальную бомбу, способную взорваться от единственной искорки. Капитан Кэтль призвал на мостик штурмана и дал ему точные инструкции.

— Знаете вы, что такое пороховая камера, м-р Мургатройд?

— Да! — сказал Мургатройд.

— Ну-с, так вот, наше судно в данную минуту нечто значительно более опасное, и мы должны быть сейчас чертовски внимательны, если не хотим с экстренной почтой взлететь на небеса. Пока погода не установится и мы не сможем снова открыть люки, нигде не должно быть никакого огня, кроме машинного и кочегарного отделений.

Я прошу вас, м-р Мургатройд, моментально отправиться и сделать нужные распоряжения. Велите также повару загасить огонь, а в кубрике отберите все спички и заприте их, чтобы люди не курили. Кроме того, потушите все сигнальные огни на бортах и мачтах. Квартермейстерам необходимо снять компасный купол и, по возможности, править без света.

— Да, но в бухте слишком оживленное движение, и на насочены легко могут напороться, если... — но тут старик заметил на лице капитана такую грозную тучу, что замолчал. Бормоча про себя старую истину: «Выполнять приказ даже под страхом потерять судно» — он живо сбежал с лестницы.

Все тяжелее и тяжелее становились порывы ветра и гнали перед собой воду, которая резко хлестала по обейм одетым в непромокаемые платья фигурам на командном мостике. Громкие зеленые волны, точно крутые валы,

вздымались у борта и с шумом обрушивались на палубу, наполняя ее кипящей, белой пенистой массой. Вся оснастка словно арфа гудела от бури. Хотя судно так глубоко сидело, а море так сильно бушевало, иногда оно продвигалось все-таки вперед, поднимаясь из воды почти всей своей кормой. Винт начинал вращаться тогда с такой безумной быстротой, что машина и судно содрогались. Кругом, среди черной мглы, впереди, с боков и сзади, кивали и плясали желтые огни, сигнальные фонари невидимых судов на невидимых волнах.

День и ночь стоял капитан Кэтль на своем посту у командного мостика — такая маленькая, обветренная со всех сторон фигура в желтом, непромокаемом костюме и в высоких резиновых сапогах. Самый ветер очень мало тревожил бы его: вести свое судно в обычный шторм был для капитана Кэтль только механической работой. Однако, совокупность обстоятельств была настолько опасной, что не могла не взволновать его до крайности.

Всевозможные опасности в заливе казались ему в тысячу раз преувеличенными. Если пароходу суждено было погибнуть по какому-нибудь неожиданному случаю, то было десять шансов против одного, что сам он и вся его команда погибнет, и тогда Гэдж мог бы хихикать в кулак, заполучив таким легким способом жслаемую страховую сумму. Неожиданной смерти маленький капитан

совершенно не боялся, но его тошнило от мысли послужить для м-ра Гэджа козлом отпущения.

Дважды судну удавалось еле-еле избежать столкновения. В первый раз это был кардиффский пароход с железом, пробивавшийся сквозь воду и шторм на север. Вахтенного матроса на фор-деке, повидимому, смыло, а находившихся на мостике так ударило по глазам водой, что даже на близкое расстояние, они ничего не могли разглядеть. Но время — деньги и все обязаны держаться своего курса. А потому, положившись на то, что другие суда будут давать ему дорогу, капитан Кэтль снова пустил свое судно «полным ходом вперед» против шторма, так что высоко

Он встал на колена...

вздывавшиеся волны почти все время перекачивались через палубу.

Острые глаза Кэтля во время заметили вынырнувшее из водяной завесы и брызг судно. Он положил руль на бакборт, и «Султан Лабуана» скользнул по торчащему переднему штевню встречного судна всего на расстоянии каких-нибудь двух саженей. Одного лишь соприкосновения было бы достаточно на такой бурной поверхности, чтобы отправить оба судна на дно. Однако, соприкосновения не произошло, каждый пошел своей дорогой, а неминуемые комплименты обеих сторон были развеяны ветром. Подобные случаи вообще не идут в счет и позднее не упоминать о них на суше — свитается признаком хорошего тона.

Вторично же им попался большой белый пассажирский пароход, ярко освещенный, словно театр, одолевавший бурное море с игривой легкостью. Вахтенные и офицеры искали, конечно, огней, но темное судно с углем, да еще, беспрестанно заслоняемое волнами, показалось им просто скалой.

Кэтль, разделявший мнение большинства капитанов — не давать дорогу пассажирским судам, держал свой курс до тех пор, пока большой и острый, как нож, буг оказался всего в одиннадцать локтях от его гака. Только тогда отдал он короткий приказ рулевому положить «Султана Лабуана» на штирборт. Точно за магнитом, понесся большой пароход за «Султаном Лабуаном», с каждой секундой приближаясь к нему все ближе и ближе. Удерживать судно было так же опасно, как и пускать его дальше.

— Рулевой, стоп! Правильно! — командовал Кэтль.

И только тогда люди на белом, большом судне увидели грозившую им опасность и вернулись к своему прежнему курсу. Оба судна находились друг от друга так близко, что Кэтль почти слышал стук машины и раздававшуюся оттуда команду. Отчетливо он увидел также, как на высоком верхнем мостике офицеры перегнулись через перила, и сквозь водяную завесу старались что-то разглядеть.

— Попробуйте разглядеть название моей старой галюши! — проворчал Кэтль свирепо. — Рассчитывают взгреть меня, как следует, за отсутствие сигнальных фонарей. Чорт побери! Хотел бы я поглядеть на одного из этих кисейных пассажирских офицеров, как он выполнил бы один только рейс на моей посудине. Наверняка, он познакомился-бы с боженькой.

Ночь прошла и наступил серый, мокрый, безрадостный день. Ветер приутих, но шторм все еще продолжался, а волны, пожалуй, стали еще выше. Судно только изредка показывалось из воды целиком. Это было беспрестанное ныряние и, если оно на секунду взлетало на гребень волны, то огромные водяные столбы так и вырывались из его сточных отверстий. Одни вахтенные сме-

нили других; уставшие матросы исполняли службу с тупой терпеливостью моряков товарного судоходства. Один только Кэтль бессменно оставался на своем посту, на мостике. Его глаза покраснели и распухли, лицо побледнело, а от беспрестанно хлеставшей воды остроконечная борода сплошь покрылась солеными кристалликами. Однако, с железной энергией он попрежнему держался прямо и ни на одну минуту не переставал следить за сохранностью судна и груза. Он вполне был готов к катастрофе.

И вдруг откуда-то изнутри судна раздался глухой удар. Мостик под ногами Кэтля закачался так, что чуть-было не рухнул, а чисто обмытая водой железная палуба задрожала, точно кусок жести за кулисами театра, когда там изображается искусственный гром.

Капитан взглянул вперед, потом назад и, к своему удивлению, увидел, что оба люка остались целым, да и вообще повреждений оказалось немного. В это время, из машинного отделения на палубу, выбежала обезумевшая команда,

а какой-то перепуганный субъект кричал, чтобы приготовили лодки. Кэтль оставался совершенно спокоен. Из-под своей непромокаемой одежды, он вытащил хорошо всем знакомый револьвер и направил на бегущих.

— Проклятье! — загремел он. — Вы, повидимому, все еще не знаете, кто тут капитан. Опомнитесь-ка лучше, пока я не доказал этого по своему.

Его резкий голос покрыл стон и вой шторма. Угрюмо люди послушались его приказаний.

— Плотник, возьмете двух людей, спуститесь вниз и посмотрите, что там произошло. А вы, угольные черти, наладьте-ка вновь машину, иначе я приду и взгрею вас самих. Второй штурман возьмет два брезента и затынет разбитые стеклянные люки. Где м-р Мургатройд? В койке, по обыкновению. Раз не его дежурство, ему все равно, — взлетит судно или нет. Эй, вы, стюард, сбегайте-ка вниз и велите ему притти на палубу.

Люди принялись выполнять заданные работы, а застопорившая на несколько минут машина снова заработала. Тем временем капитан Кэтль взад и вперед расхаживал по качавшемуся мостику, ожидая дальнейшего развития событий.

Спустя некоторое время, бритый стюард вернулся и, борясь с напором бури, прокричал капитану совершенно неожиданную весть:

— Взрыв произошел в каюте м-ра Мургатройда, капитан. Его вид ужасен. Плотник нашел его горящую трубку. Она лежала далеко от каюты, около штирборта. Взрыв от этого и произошел, как говорит плотник.

— Эдакая проклятая кляча! — чертыхался Кэтль.

— Он звал вас, штурман-то! Мы только не смогли разобрать как следует, что он хотел сказать.

— Ну, пусть-ка он приготовится к завтрашнему дню, когда я возьмусь за него. Ведь я ясно говорил этому чорту, чтобы люди не курили, а он, видите-ли, сам принялся сосать свою трубку.

— Штурман обгорел, точно кусок кокса! — умиротворил стюард. — Долго он уже не протянет.

Плотник тоже направлялся к мостику.

— С судном беды немного приключилось, капитан! Насосы в ходу, но воды немного. Вот только штурман, капитан. С ним дело плохо.

— Ладно! — сказал Кэтль. — Я спущусь сейчас и посмотрю, что с ним.

Позвав своего второго штурмана, он передал ему командование и спустился вниз.

Зачинщик взрыва, старый, тупой человек, который, по простому недомыслию, перед сном закурил на этой пловучей бомбе свою трубку, теперь, невероятно изуродованный, лежал в коридоре у своей каюты. Под его до неузнаваемости обезображенную голову подсунили жесткую, наби-

тую соломой подушку. Он еще жил и видно было, что он сиделся что-то сказать.

Злость Кэтля моментально испарилась перед этой, достойной жалости, человеческой руиной. Он встал на колени и внимательно прислушался. Голос штурмана был едва слышен и почти заглушался шумом бури и стуком машины. Только иногда мог Кэтль кое-что разобрать.

— Это случилось слишком рано... Иначе, я бы сделал это, капитан... за Гибралтаром... Гэдж заплатил мне пятьдесят фунтов... Потопить... Наперекор всей вашей проклятой хитрости...

Старик оборвал, а Кэтль еще ниже наклонился над ним.

— Но как бы вы сделали это? — спросил он.

Ответа не последовало. Он повторил вопрос два, три раза. Наконец, штурман услышал и понял. Снаружи бушевало море, завывал ветер и в проходе катились всевозможные, разметанные взрывом обломки и предметы. Говорить старик больше не мог. Однако, он еще раз открыл свой единственный уцелевший глаз с таким непередаваемо насмешливым выражением, как будто хотел сказать: «Это— моя тайна».

Это был его первый и последний юмористический дебют. Его нижняя челюсть отвисла, глаз открылся и застеклялся. Старый Мургатройд был мертв.

— Ну-с, дружище, — сказал Кэтль, обуглившемуся трупу, — мы и раньше ходили вместе, однако, я тебя никогда не обожал. В сущности, ты был дрянной мужик, но несмотря на это тебя в Гибралтаре похоронят с проповедью, пастором и всяким этаким шиком. А над твой старрой, безобразной головой я все-таки поставлю надгробный камень, хотя бы за него мне и пришлось бы самому расплатиться. Может-быть, до тех пор мне также удастся состряпать пару стихов, которые нам понадобятся для твоей надгробной надписи.

— О, чорт! Представляю себе ярость Гэджа. Оч, несомненно, подумает, что это я тебя накрыл и без всяких прикончил. Ну-с, теперь это тебе, дружище, я думаю, довольно б.различно. Этому разумни у теперь станет ясно, что я не такая овечка, чтобы ни с того, ни с сего делать меня козлом отщущения в своих темных комбинациях. Однако, расчет он мне все-таки вручит, наверное, еще до того, как уголь дойдет до Порт-Саида. Гэдж — человек, который, раз что себе наметил, так уж добьется своего. Раз избавиться от «Султана», пока я здесь, он не может, то, вероятно, на мое место посадит нового, который лучше меня заслужит его одобрение.

Норвежец-плотник вошел в коридор и что-то спросил.

— Нет, нет, плотник, отложите парусину! Вы лучше сделайте что-нибудь вроде гроба для нашего старого штурмана. В Гибралтаре он получит приличные похороны. Теперь мы уже наверняка доберемся до Порт-Саида целыми и невредимыми.

Что изобретать?

В лондонском журнале института патентов опубликован список, на какие изобретения в настоящее время существует за границей большой спрос. Приводим этот список:

1) приспособление с помощью которого шофер мог бы поднять верх автомобиля, не оставляя своего места у руля; 2) светящаяся краска для вывесок; 3) механический камнекладчик; 4) складной зонтик, который можно носить в кармане; 5) приспособление для открывания бутылок без пробочника, не уничтожая при этом пробки; 6) приспособление для поворачивания нотных страниц; 7) прибор, сигнализирующий мотористу, когда потухает лампочка позади машины; 8) автомобиль, который в состоянии был бы, в случае надобности, переплыть реку; 9) красивая щетка, которая подобно «вечному» перу, могла бы

вместить в себе до 1 кило краски; 10) дешевое приспособление для кухонных горшков, которое автоматически мешало бы варимое, не допуская, чтобы пища подгорала; 11) аппарат для чистки рыбы (в рыбных портах ручная чистка рыбы нередко приводит не только к порезу пальцев и рук, но и к необходимости ампутации пальцев); 12) нескользящая резиновая обувь; 13) новый полировочный материал для полов, который не должен быть скользким; 14) машинный способ погрузки и разгрузки кирпичей; 15) прибор для извлечения из комнатного воздуха углекислоты и угара; 16) складная газовая печка с запасом газа в особом цилиндре; 17) приспособление, которое воспрепятствовало бы замораживанию воды в водопроводных трубах; 18) метод печения хлеба без дрожжей и порошков.

Рисунки И. Королева

Рассказ Георгия Прокофьева

Огонь в камине угасал. Сумрак пополз по комнате. Снегирев глядел задумчиво на покрывающиеся пеплом угли и сжимал в руке забытую трубку. Это потухающее пламя наполнило ему другой огонь, дымный огонь походных костров. И мысли его унеслись в туман прошлого, в те ушедшие годы, о которых долго еще будут говорить люди.

Вспомнилось ему...

В жарком дыхании южной ночи шумно пылали костры, багровый блеск их плясал по белым стенам хаток; около костров гремели брань и смех, над дымным пламенем клубились паром котлы с кашей. Привязанные к плетням и сараям лошади звучно хрустели овсом, позванивая уздечками. Винтовки, составленные в козлы, были похожи издали на тихие шалаши где-нибудь в лесу, и странно было видеть рядом с этими шалашами громадное пламя костров и черные силуэты люди на фоне огня.

Снегирев лежал в стороне от костров, у речки, дремотно звеневшей в темноте, смотрел на пылающие звезды, вдыхая воздух, насыщенный жаркими запахами трав. Где-то вдали неутомимо посвистывал соловей, но его заглушал смешанный шум лагеря. Луны не было и ветер умер где-то за горизонтом.

И вот в эту ночь, когда меркнуть стали костры, покрываясь серым пухом пепла, когда караулы ушли в тьму, звякая винтовками, и молчание веяло среди улегшихся бойцов, вдруг из бездонной тьмы, издали, возник какой-то гул. Он рос и приближался со стороны дороги, в нем можно было уже различить удары копыт, глухой лязг и резкие гортанные крики. И караул, стоявший на дороге, увидел: вместе с гулом неслись к ним по дороге колыхающиеся багровые пятна. Стало ясно: с факелами неслась к ним лавина всадников. И тогда караул тревожными выстрелами всколыхнул лагерный покой.

Но когда лавина подкатилась ближе и дымные факелы стали вырывать из мрака лошадиные головы и силуэты людей, оттуда в ответ на выстрелы зазвучал резкий, гортанный голос:

— Кто там стреляэ-э-эт?! Здэс свои-и-и!
Лавина с шумом остановилась.

Навстречу караулу, в котором был и Снегирев, выдвинулся один всадник в одежде горца и подъехал с факелом. Тревожный меняющийся свет озарял человека, крепко сидевшего на горячем тонконогом коне, возбужденно раздувающим ноздри. У всадника было смуглое лицо с хищно загнутым носом и пронзительными круглыми серыми глазами. Прядь сине-черных вьющихся волос падала ему на лоб из-под сдвинутой на затылок круглой кавказской шапки. Он пристально взглянул на Снегирева, поднимая на головой факел, и сказал:

— Мы свои! Гдэ ваш штаб? Провэдитэ нас к командирю.

Снегирев быстро оглядел его и колыхавшихся за ним всадников с факелами.

— Хорошо! — ответил он. — Только винтовки вы должны сдать нам. Если вы свои, получите их потом.

— Ну, что же! Конэчно, мы отдадим! — сказал всадник, и, обернувшись к своим, протяжно сказал что-то.

К Снегиреву и трем другим караульным стали подъезжать один за другим неведомые горцы и отдавали им свои винтовки. Их было тридцать.

Снегирев послал одного из своих, Петра Чеботаренко, в лагерь предупредить, а сам с остальными поехал впереди, указывая дорогу.

Когда они въехали в деревню, весь отряд был уже на ногах, каждый держал в поводу оседланную лошадь, и был готов по первому приказанию вскочить и мчаться.

На крыльце одной хатки, облокотившись о столб, стоял невысокий коренастый человек. Это был командир отряда Нефедов.

— Вот это и есть наш командир! — сказал Снегирев всаднику и отъехал в сторону.

Незнакомец молча слез с коня, передал поводья одному из своих и пружинистой легкой походкой подошел к Нефедову.

— Пэрвый национальный революционный абхазский полк! — заговорил он, отчеканивая каждое слово и твердо глядя в глаза Нефедову. — Стоит в 115 верстах отсюда, к югу по этой дорогэ. Я — взводный этого полка. Командир полка напразил мэня к вам добиваться соэдинэния нашэго полка и вашэго отряда вмэстэ. В случает вашэго согласия я буду сопровождать вас до мэста соэдинэния.

— Ваши документы и прочее? — спросил Нефедов, не меняя положения.

— Да, конэчно, здэс! — и незнакомец достал из внутреннего кармана бумаги. Нефедов взял их.

— Тогда пойдемте в хату! — сказал он. — Здэс все равно ничего не видно. — И оба ушли.

При свете керосиновой лампы Нефедов тщательно рассматривал все бумаги. Все было в порядке. Приехавший оказался Юрием Салониковым, членом партии с 1910 года. Один только пункт смутил Нефедова: в графе «национальность» стояло «русский».

— Гм! Это вот непонятно! — сказал Нефедов, неподвижным взглядом упираясь в лицо Салоникова. — По виду-то вы того, на русского не похожи...

— Э-э... видитэ ли! — сказал Салоников, отвечая на вызывающий взгляд Нефедова своим пронзительным немигающим взглядом. — Я, эсли разобраться, представляю собой смэшэниэ двух национальностей: мать моя была из Абхазии, а отец — русский. Но я все врэмэ жил и вэл нелэгалную работу на Кавказэ.

— Так... так!.. — задумчиво произнес Нефедов, взглянув опять на бумаги, и медленно протянул руку Салоникову. — Ну, что ж, если так, то я ничего не имею... Нефедов!

Салоников пожал протянутую руку и улыбнулся. А улыбался он странно: в то время, как губы улыбались, глаза все так же были широко открыты и не меняли своей холодной пронзительности. После десятиминутного разговора Нефедов согласился итти на соединение с абхазским полком, потому, что и его отряду угрожали значительные силы на западе.

— Вы можете располагаться здесь! — сказал Нефедов, когда разговор был окончен. — Ваши абхазцы получают свои винтовки. Утром мы двигаемся. Ну, вот и все.

Он оперся руками о стол и поглядел на Салоникова своим мягким взглядом. Коричневые зрачки Нефедова всегда были словно затянуты какой-то дымкой, и этот дымчатый туманный взгляд не изменялся никогда. Он вышел вместе с Салониковым сделать распоряжения.

Утром, лишь только солнце показалось из-за края дымчато-розовой дали, отряд двинулся ходкой рысью по серой ленте дороги в ту сторону, откуда приехали ночью горцы. Все тридцать абхазцев ехали позади, они все были молчаливы и замкнуты и ни один из них ни разу не улыбнулся. Конармейцы попробовали было заговаривать с ними, но горцы лишь поглядывали хмуро и молчали.

— Не поймешь — не то не понимают ни слова, не то злые чего-то! — говорили, отъезжая, конники.

Горцев оставили в покое и они все время держались в отдалении от остального отряда.

Тонкая стройная фигура Салоникова виднелась впереди, рядом с Нефедовым.

— Славный у вас конек, товарищ Салоников! — сказал Нефедов, трогая шею вздрагивавшего чутко коня.

— Да, конь хороший! — ответил Салоников, перебирая поводья. — Он достался мне от одного белого офицера два мѣсяца тому назад. Я чуть не погиб из-за этого коня.

Мягкая дробь копыт лилась по дороге. Кони, отдохнувшие за ночь, бежали с бодрым фырканием. Снегирев и его закадычный друг, Петро Чеботаренко, ехали рядом. Снегирев хмурился и задумчиво хлестал себя плеткой по сапогу.

— Нет, как хочешь, а не нравятся мне эти кавказцы, здорово не нравятся. Молчат, косятся, как волки, сторонятся, мать их за ногу! Да и командир ихний тоже не того, как-то...

— Эге ж, от и я так думаю! — ответил Чеботаренко, сплевывая в сторону. — Больше всего командир. Здается мини, що вин, ракло свинячий, что ни е замыслив.

— Следить надо получше, вот что! — заключил Снегирев. — Да Нефедова предупредить, пусть с ним там поосторожнее. Бумагам-то, брат, не особенно нужно верить.

На другой день, когда солнце устало клонилось к западу, отряд приближался к большому селу Барвинково.

Снегирев, Чеботаренко и хмурый конник Шмелев, ехали в дозоре на версту впереди отряда. Ехал с ними также и Салоников.

Уже показались сверкающая макушка церкви и белые хатки села, выглядывающие из гущи садов. Впереди на дороге показался какой-то человек, он шел навстречу им, но шел он странно, словно падая вперед и размахивая руками.

— Это что ж за тип? Пьяный, что ли? — проговорил Снегирев, упорно всматриваясь.

Шмелев, тоже внимательно глядевший вперед, вдруг вздрогнул и нахмурился.

— Не быть бы тебе такому пьяному! — глухо произнес он и, вырвавшись вперед, понесся навстречу идущему. Снегирев помчался за ним, они почти вместе подлетели к странному человеку, спрыгнули с лошадей и бросились к нему. И тут увидел Снегирев, что не пьян был человек.

Лицо человека, с провалившимися глазами, заострившимся носом и серыми губами, было мертвенно бело, грудь истрепанной шинели была залита кровью, шлем с вылинявшей красной звездой надет был на голову. Человек открывал жутко черневший рот, силился что-то сказать, но не мог и лишь бестолково махал руками с гримасой нестерпимой боли.

Подъехавшие Чеботаренко и Салоников подскочили к ним.

— Бе... а... бе... — бормотал человек, указывая рукой на село, — ни... а... ни... я... Ни... я... я...

— Держитэ, он упадэт! — крикнул вдруг Салоников и, бросившись к человеку, подхватил его за плечи. Человек опустился на землю и захрипел. И вдруг Снегиреву показалось: Салоников, склонившись над незнакомцем, душит его за горло. Снегирев бессознательно прыгнул вперед и рванул Салоникова за плечи так, что тот отлетел в сторону.

Человек был уже мертв и дико вытаращенные глаза его, казалось, увидели перед смертью что-то ужасное.

Салоников, вскочив с земли, медленно подходил к Снегиреву, глаза его еще более округлились и все лицо бешено дергалось.

— Пачэму... пачэму... вы меня толкнули? — заговорил он с деланным спокойствием.

Снегирев растерянно переводил взгляд с трупа на лицо Салоникова, хотел что-то ответить, но вдруг захлебнулся необъяснимой злобой к этому подходившему к нему человеку. Сдерживая себя, он отошел к лошади и стал поправлять седло.

Шмелев и Чеботаренко, удивленные, тревожно глядели на обоих. Подъехавший отряд мрачно окружил тело неведомого красноармейца, только горцы оставались равнодушны, бесстрастно поглядывая вниз.

Оставив позади, около дороги, кучку свежей земли — могилу безвестного бойца, отряд вступил в село. По дороге Снегирев сообщил подробности этой странной встречи Нефедову.

— И мне показалось, будто этот... черкес душил его, понимаешь? — прибавил тихо Снегирев, кивая на Салоникова.

У Нефедова дрогнула бровь, он стиснул зубы, но потом сказал спокойно:

— Но ведь тебе только показалось! Но я это запомню. Все может быть.

В селе ничего не слыхали о белых и никто не видел никакого раненого человека. Неразгаданная встреча тревожила Снегирева. Убрав лошадь, он пошел искать

Нефедова. Нефедов расположился в большой хате, стоявшей в отдалении от села. Хата эта стояла законченная и пустая, пока не прибыл отряд. В комнате, где кроме стола и скамейки ничего не было, Нефедов сидел и при свете салного огарка что-то писал. Снегирев подошел к столу и сел рядом.

— Что пишешь? — рассеянно спросил он.

Нефедов поднял голову и улыбнулся.

— Жене письмо! — сказал он и снова забегал карандашом по бумаге.

— Ладно! Я сам — стреляный воробей — меня на мякине не проведешь. Езжайте! Все будет в порядке, — отвечал, нахмурясь, косматый Шмелев.

Снегирев и Чеботаренко описали большой круг около села; ничего подозрительного не было. Опять было тихо и опять над головой трепетали жаркие звезды.

— А ну, проедемся по этой дороге подальше! — сказал тихо Снегирев, когда они, объехав село, остановились на дороге.

И вдруг Снегиреву показалось...

— Я вот что хочу сказать! — медленно заговорил Снегирев. — Не дает мне покою этот человек, что встретили мы сегодня. Дело какое-то непонятное. В селе здесь никто его не видел. Откуда он взялся? Думаю я, надо следить получше за этими кавказцами, да и командиру ихнему не особенно доверяться. Да еще надо сейчас разведку пустить — понюхать кругом: нет ли чего подозрительного.

— Я так и хотел сделать! — ответил Нефедов, запечатывая письмо в конверт. — Да вот хоть ты, возьми еще кого-нибудь да и отправляйся, покружись тут вокруг да около. Пойдем-ка.

И скоро Снегирев и Чеботаренко тихо отъехали от лагеря. Уезжая, Снегирев отозвал Шмелева.

— Вот что. Мы на разведку, а ты со своим взводом приглядывай тут почаще за этими чумазыми. Чего-то мне сегодня тревожно.

И они тихо двинулись по тающей во тьме дороге. Все кругом было тихо. Проехав несколько верст, решили уже повернуть обратно, но вдруг — оба заметили это сразу — далеко впереди блеснул на мгновение огонек. Блеснул и погас. Но и этого было достаточно.

Оба спрыгнули на землю и, оставив лошадей, осторожно стали пробираться вперед. Напрягая, насколько возможно, слух и зрение, они шли по дороге. И скоро из темноты послышались мягкий стук многочисленных копыт, человеческие голоса и какой-то глухой лягз.

— Александр Сергеич! — вполголоса повторял кто-то. — Александр Сергеич, сколько времени?

— Половина десятого! — отвечал другой голос. — Мы поспеем во-время. Николашвили говорил...

— Господа, не разговаривать! — придушенно загудел бас.

— Но ведь до села еще шесть верст! — запротестовал прежний голос.

— Господин поручик, вы не на прогулке! — раздраженно ответил бас. — Кроме того, мы не уверены, что здесь не бродит их разведка. И я еще раз прошу сохранять полное молчание.

Голоса смолкли.

Снегирев и Чеботаренко стремительно кинулись назад, нагибаясь и стараясь не шуметь, а сзади в нескольких шагах от них двигалось что-то громадное, невидимое во тьме, с шорохом и тихим лязгом. Если бы кто-нибудь из двух разведчиков споткнулся или задел ногой камень — мгновенно погибли бы оба.

После нескольких минут жуткого бега, покрытые холодным потом, они прибежали к тому месту, где стояли лошади. И отъехав некоторое расстояние шагом с гулко стучающими сердцами, они разом рванули повод и ринулись вперед, не переставая хлестать нагайками обезумевших лошадей.

В хате, где стоял Нефедов, еще светились окна. С грохотом и храпом подлетев к ней, Снегирев и Чеботаренко вместе вскочили на крыльцо и распахнули дверь в хату. Но...

Прямо в лицо, в лоб каждому глядели оттуда черные дула револьверов... Салоникови еще какой-то незнакомый офицер стояли там.

Разведчики отпрянули было назад, в сени, но в

спины им уперлись лезвия нескольких кинжалов. И оба были отведены под двумя револьверными дулами и упирающимися в спины кавказскими кинжалами в другую пустую комнату хаты. Там связали им руки и ушли, крепко закрыв дверь.

Когда Снегирев и Чеботаренко огляделись, они заметили еще одного связанного человека. Он оказался Нефедовым.

Они довольно долго распутывали друг другу веревки. Снегирев сообщил Нефедову результаты разведки.

— Так провалиться... так нелепо сдаться всему отряду какой-то маленькой горсточке! — тихо стонал Снегирев, скрипя в бессильной ярости зубами.

Он приподнялся, выглянул в окно: под окном маячил кавказец с винтовкой.

— Чего ты ноешь? — спокойно проговорил Нефедов, неподвижно сидя на полу. — Кто провалился? Там много еще кой-кого. Придет время — ребята дадут по шапке кавказцам и тем, которые здесь, и тем, которые еще едут. И опять все будет в порядке. Что же тут особенного?

— А то особенное, — злобно сказал Снегирев, — что все спят! Ты только посмотри! Кто кого будет бить, это и сейчас ясно.

Нефедов и Чеботаренко молча выглянули в окно. По улице села багровели дгорающие костры и около них видны были неясные силуэты неподвижных людей.

— Вот спят и горя мало! — горько повторил Снегирев.

— И опять ничего страшного нет! — твердо сказал Нефедов. — Спят, значит, так надо.

Снегирев взглянул на него с диким изумлением и, безнадежно махнув рукой, опустился на пол.

Бесконечно долго потянулись минуты. Гулкий стук сердец изменял время. Ожидание тяготило всех троих.

За стеной слышались негромкие голоса.

— Вы видите, что значит хладнокровие! — звучал гортанный голос Салоникова. — Я прихожу с тремя десятками своих солдат в этот большой отряд и беру его. Он еще не взят, но он будет взят. Вот мы сидим здесь и спокойно говорим, но мы играем со смертью.

Самое главное — это всегда быть спокойным и тогда успех обеспечен в любом деле.

— Да, чорт вас возьми, Николашвили, вы действительно отчаянный человек! — отвечал голос другого офицера. — Скажите, вы не опасались, что ваши солдаты как-нибудь случайно выдадут себя? Этого можно было ожидать.

— За своих я ручаюсь. Но один случай был сегодня: навстречу попался раненый большевик. Он, наверно, убежал от вас. Он хотел объяснить, что близко белые и было бы дело плохо, если бы я его не. Да вот еще командир очень рано догадался. Но теперь все готово: видите — они спят. Их

караулы на другой стороне села, эта же сторона находится под моим ведением. Остается только ждать...

— Слышишь? — шептал Снегирев, стискивая руку Нефедова.

Но вот тишина взорвалась. Откуда-то внезапно обрушились на село гул копыт, лязг, крики и грохот залпов. И кинувшиеся к окну пленники увидели, как замелькали в багровом зареве костров силуэты всадников, как заблестали во тьме огни выстрелов и всадники крошили блещущими молниями шашек неподвижные фигуры у костров.

Снегирев в слепом отчаянии, захлебываясь, громил окно, не замечая, что кавказец внизу, что-то крича, стрелял в него и пули свистели около головы, задевая волосы. Нефедов и Чеботаренко что-то кричали ему, тащили его, но он ничего не чувствовал. Он видел только, как падали у костров люди, как взмывались

Из сцен взрыва Салоников-Николашвили.

гривы несущихся коней и неуловимо быстро сверкали шашки, как враги косили отряд — и кровавый туман ужаса застилал ему глаза.

Но вдруг в тот миг, когда ворвавшаяся лавина всадников безумствовала на улице села, новый гул потряс землю, еще более грозный грохот залпов прозвучал из тьмы и Снегирев застыл, услышав оглушительный хор знакомых криков. И он увидел, как новая лавина налетела на село со всех сторон, врезалась в первую лавину и закипела бешено улица среди потухающих костров. Смутно видно было, как летели с коней всадники в одежде горцев и крутился вихрь занесенных шашек, вздыбившихся коней, перегнувшихся человеческих фигур, искаженных лиц, вырывааемых из тьмы вспышками выстрелов. Новые выстрелы грохотали отовсюду и неслись новые всадники.

— Молодец, Шмелев!! Ай-да наши!! — оглушительно заорал Нефедов.

Все трое молча ринулись к двери и стали яростно вышибать ее. И тонкая дверь слетела с петель. Когда они выскочили в другую комнату, им навстречу растерянно кинулся офицер с револьвером. Грохнул выстрел, но тут Чеботаренко с диким ревом кинул на него сломанную дверь и офицер упал.

Из сеней ворвался Салоников-Николашвили с дико вытаращенными глазами, за ним вбежали три абхазца.

Нефедов прыгнул к столу, смахнул на пол лампу и в темноте завязалась молчаливая борьба. Сцепившись, катались по полу враги, слышались глухие удары, сдавленное дыхание.

Внезапно распахнулась дверь и комната озарилась светом — на пороге появился лохматый, задыхающийся Шмелев с пылающей головней в руке.

— Эй, ребята! — закричал он, окидывая взглядом комнату. — Даешь сюда скорее!!

Когда все было кончено, Шмелев со своей хмурой улыбкой отвечал на лихорадочные расспросы Снегирева. Шмелев во-время бесшумно обезоружил всех кавказцев, кроме тех нескольких человек, которых взял с собой Николашвили.

Насажав осколо костров чучел, Шмелев увел весь отряд и расположил его полукругом около села. Николашвили ничего не мог знать об этом: он находился на другом конце села. Когда ворвавшиеся белые крошили усердно эти куклы, Шмелев ринулся со всех сторон на них, никак не сжидавших нападения.

Нефедов потому и был все время спокоен, что знал об этом плане Шмелева.

Остаток ночи все провели кое-как, усталые и встревоженные.

Когда по земле разлился розовый улыбающийся свет утра и выглянуло умытое сверкающее солнце, оно осветило улицу села, истоптанную яростными копытами, усеянную трупами, политую алой дымящейся кровью. Мало кто из абхазского полка остался в живых: почти все сложили свои головы, попав в западню, предназначенную для врагов. И сам Николашвили-Салоников, изобретатель этой неудавшейся авантюры, лежал около крыльца, закинув голову и уставившись мертвым взглядом широко открытыми глаз в ласковое голубое небо.

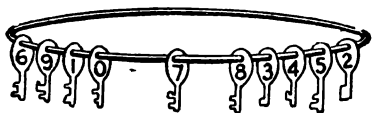
Снегирев очнулся и провел рукой по глазам. В комнате стало уже совсем темно. В трубе злобно завыв осенний ветер. Погас огонь — погасли воспоминания...

„КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?“

Новые испытания Сэма Ллойда.

СВЯЗКА КЛЮЧЕЙ.

Кто-то снова возился с моими ключами, — заметил швейцар гостиницы, взглянув на висящую на стене связку ключей. — Этот парень, правда, запомнил, что я оставил ключи разделенными на три группы и тоже разместил их

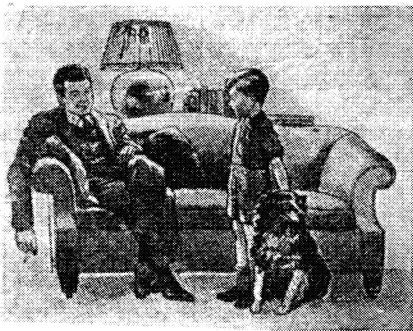
тремя частями, но он не заметил того, что если число, образуемое цифрами моей первой группы помножить на число из цифр средней группы, то произведение составит как раз число, образуемое цифрами третьей группы.

Можете ли вы переставить эти ключи так, чтобы их расположение соответствовало описанию швейцара.

ВОЗРАСТ ФИДО.

Джонни разговорился с женихом старшей сестры о своей собаке Фидо. Вотчет на вопрос своего собеседника, сколько лет животному, Джонни дал следующую туманную справку: «Точно не знаю, но пять лет тому назад сестра сказала, что она в четыре раза старше Фидо, а сегодня утром она сказала, что она уже только трижды старше его».

Какъв же возраст этой собаки?

ИСПЫТАНИЕ НАХОДЧИВОСТИ.

— Вот маленькая цепочка, над которой я предлагаю призадуматься находчивым людям, — сказал автомобильный механик.

— Как видите, это — непрерывная цепочка из тридцати звеньев. Сообразите, во что обойдется разрезать цепочку на шесть кусков, по пяти звеньев в каждом, считая, что разрезание одного звена стоит десять центов, а его спайка — пятнадцать центов. Если я могу купить шесть новых кусков цепочки, по пяти звеньев, за двадцать пять центов каждый, стоит ли мне разрезать эту целую цепочку? Что выгоднее?

Этот вопрос механика требует скорее находчивости, чем упражнения в арифметике.

ТОРГОВЛЯ СКОТОМ.

Три скототорговца встретились по дороге в город и стали заключать между собой сделки. Хэнк сказал Джиму: «Я дам тебе шесть свиней за одну лошадь. Тогда в твоём фургоне будет дважды больше животных, чем в моём».

Дюк предложил Хэнку: «Хочешь, я дам тебе четырнадцать овец за одну лошадь. Тогда у тебя будет трижды больше животных, чем у меня».

Джим сказал Дюку: «Я тебе дам четыре коровы за одну лошадь. Тогда у тебя будет в шесть раз больше животных, чем у меня».

Можете ли вы сообразить сколько животных находилось в каждом фургоне.

РОССОМАХА

Рассказ К. ТЕНЧА

С севера яростно дул холодный ветер, этот бич полярной зимы, колющий лицо невидимыми ледяными иглами.

Траппер Аза Моррэн, одинаково шагавший по лесу к своей бревенчатой хижине, остановился и поднял лицо, внимательно втягивая в себя воздух: леденящие порывы ветра предвещали снег и мороз, — именно то, что ему было нужно.

Долголетний опыт трапперства на севере Канады научил его заблаговременно делать все необходимые приготовления к предстоящему сезону охоты. Его пищевые припасы были тщательно припрятаны. Все хижины для ночлега вдоль его «линии» были удобно устроены и могли хорошо защитить на случай снежной бури. Видны на добычу мехов были благоприятные и, к тому же, он отделился от Йорктена.

Йорктен! — Пока он шел по лесу, его мысли обратились к человеку, которого он привез с собой из Эдмонтона. Еще тогда, при первом переходе из Мак Мёррей, когда они сплавляли вниз, к северу, его пищевые припасы, этот парень обнаружил свою низость и Моррэн убедился в своей ошибке, в том, что его доверчивость и на этот раз была обманута. Годы, проведенные в незаселенных пустынях Белого Севера, еще больше усилили прирожденную доброту траппера к людям и Йорктен воспользовался этим.

Они впервые встретились около шести месяцев тому назад, в Эдмонтоне, в местном клубе, совладельцем которого был Йорктен. Но вскоре к местным властям поступили жалобы на то, что клуб этот, вместо того, чтобы служить местом встреч для людей с севера, стал просто игорным притоном, да к тому же жульническим.

Сочинив вымышленную историю, будто ему грозит стать козлом отпущения в глазах полиции, Йорктен попросил у Моррэна разрешения сопровождать его на север, на один-два сезона, пока власти не прекратят своих неприятных розысков, и Моррэн взял его с собой.

Оказывая ему помощь, он метал бисер перед свиньей! Хорошо, что он покончил все с этим негодяем. С неделю тому назад Моррэн накрыл его при попытке подкупить помощника траппера, полукровку Сэма, чтобы тот провел его обратно, на границу «цивилизованного мира», в Мак Мёррей. Ценой, которую Йорктен предлагал Сэму, были «оборотные деньги» Моррэна, около пяти тысяч долларов, которые этот мошенник намеревался украсть! Ясно, что Йорктен не оставил бы их в руках Сэма, так как будучи сам «на мели», он нуждался в наличных деньгах, чтобы пробраться в Штаты. В Мак Мёррее он, несомненно, ограбил бы полукровку.

Моррэн с облегчением подумал, что теперь Йорктен находится за несколько сот миль отсюда, на пути «в цивилизованный мир», под охраной Сэма. После своего открытия он приказал Йорктену убраться вон. Полукровка добровольно вызвался сопровождать неудачного вора, после того, как Моррэн объяснил ему, что они взяли на себя ответственность, завезя Йорктена сюда, и должны помочь ему невредимо добраться обратно.

Однако, ему никогда не забыть мстительного выражения лица Йорктена, когда Сэм направил против течения челнок из березовой коры.

— Вы, думаете, что вы совсем со мной развязались, Моррэн? — крикнул он. — «Ждите другого гостя! Я не намерен являться в город с пустыми руками, оставив вам ваш мешок с деньгами!»

Выйдя из-под сени вечно-зеленых деревьев траппер остановился на опушке леса, перед просекой, где стояла его хижина.

Пересекая просеку, он поднял взгляд на торчащую, как мачта, на крыше дымовую трубу, но несмотря на вьющийся из нее дымок, не ускорил своего шага. Очевидно, какой-нибудь заблудившийся путешественник воспользовался законом лесного гостеприимства и устроился как дома, во время отсутствия хозяина. Траппер толкнул дверь и вошел в хижину.

Сначала, в тусклом свете единственного окна, он не разглядел лица человека, поднявшегося ему навстречу. Потом увидел, что это полукровка Сэм, которого он отправил в тысячмильное путешествие вместе с Йорктеном.

Обмениваясь с ним рукопожатием, он почувствовал что то неладное.

— Где Йорктен и почему ты так быстро возвратился обратно?

— Клянусь, Аза, — проговорил Сэм, тревожно взгядываясь в лицо своего друга. — Я рад, что ты невредим. Этот парень, которого ты отослал со мной, на свободе в лесах и у него мое ружье! .

— Что случилось? — отрывисто спросил Моррэн.

Сэм подошел к окну.

— Подойди и взгляни сюда, — ответил он, поднимая руку к своим жестким черным волосам.

— Чувствуешь, а? — Он вздрогнул от боли, когда пальцы белого человека коснулись полузажившего рубца.

— Здоровая рана, Сэм! И кровь еще сочится, — сочувственно воскликнул Моррэн, впервые заметив, что рубашка из козьей шкуры и куртка его товарища покрыты кровавыми пятнами. — Рассказывай, пока я буду тебя перевязывать. — С этими словами траппер снял с полки ящик с медикаментами.

— Этот Йорктен, — подлец! На второй день пути он опять начинает заговаривать про твою сумку с деньгами. Предлагает нам обоим вернуться обратно, раздобыть ее и разделить пополам. Может быть убить тебя, все равно конная полиция не узнает. Я отвечаю ему, чтобы он убрался к дьяволу. Тогда он схватывает мое ружье со дна челнока и приказывает мне повернуть обратно. Я отказываюсь. Он стреляет. Я выпал из лодки. Он наверно подумал, что прикончил меня.

Моррэн, не находя слов, молчаливо схватил и горячо пожал руку Сэма. Ради него Сэм, глядя в смертоносное дуло винчестера, послал к черту целившего в него негодяя. Этот полундеец был настоящим мужчиной, связанным с Моррэном той верной дружбой, какая возникает на Белом Севере. Моррэн снова вспомнил Йорктена.

Подлец! После всего, что он для него сделал! Нет, подлец, — слишком мягкое для него обозначение. Россомеха! Вот подходящее слово! Жадный, злонамеренный, предательский, готовый убивать и истреблять ради удовольствия своей ненасытности. В лесах Севера водятся только одно животное, способное убивать ради убийства, истреблять ради истребления, грабить ради грабежа. Это животное — россомеха или «обжора». Туземцы называют его каркажу или «дьявол». Трапперы боятся встречи с ним, но, когда это случается, подстреливают его без всяких угрызений совести.

— Сэм, — Моррэн положил руку на плечо своего друга, — Сэм, что бы ты делал, если бы ты увидал каркажу?

— Ну, разумеется, Аза, я пристрелил бы его! И как можно скорее!»

Моррэн поколебался. Что-то внутри удерживало его высказать свою мысль. Все-таки Йорктен был его собратом-человеком. Но разве человек, готовый ограбить и убить тех, кто оказал ему гостеприимство, заслуживал снисхождения? Закон пустыни Севера требовал суровой расплаты.

Между «линией» Моррэна и «цивилизованным миром» стояли хижины других трапперов. Их двери не имели замков, во имя гостеприимства, случайным путешественникам. Он, Моррэн, привез сюда этого парня и отчасти был виновен в том, что негодяй вырвался на свободу, в леса, отчаянный и вооруженный. У Йорктена, — размышлял Моррэн, — был челнок и была пища, но через одну-две недели водные пути будут скованы льдом. Если Йорктен продолжает свое путешествие в Мак Мёррей, он еще успеет добраться туда до замерзания реки. Но если нет, если он решил сначала раздобыть деньги, что тогда?

Моррэн оборвал тревожившие его мысли и обратился к Сэму:

— В нашу хижину забрался каркажу, Сэм, и мы выпустили его на свободу, — и, встретив недоумевающий взгляд друга, пояснил:

— Тебе хорошо известно, также как и мне, Сэм, что если каркажу решит заполучить какую-нибудь добычу, он ни перед чем не отступится, не правда ли?

Полукровка кивнул головой.

— Так вот дружище, этот Йорктен, — настоящий каркажу! Он намерен во что бы то ни стало набить свои карманы золотом, прежде чем отправиться в Мак Мёррей.

— Понимаю! — пылко воскликнул Сэм. — Ты хочешь, чтобы я взял другое ружье, выследил Йорктена и убил его? — И тотчас поднялся, как выпрямившаяся пружина.

— Нет, Сэм, не совсем так. Это дело полиции. Мы же должны дать весть повсюду, до самого Мак Мёррея, что по реке поднимается человек-каркажу. Мы обязаны либо изловить его, либо позаботиться о том, чтобы он убрался из наших мест.

— Но если нам не удастся изловить его, мы сможем его убить, а?

— Нет, Сэм. Нет, разве только... если сам он нападет на нас. А теперь примемся за еду.

— Надеюсь, что я повстречаю этого парня и он захочет вступить в перестрелку. А сам ты останешься здесь?

— Конечно! —

Моррэн снял с очага кипящую кастрюлю. — Я останусь здесь и буду стеречь мое добро. Какой прок расставлять вдоль линии капканы для зверей, когда вокруг них броит каркажу. Впрочем, я не думаю, что Йорктен станет грабить капканы. Ему нужны монеты, а не шкуры.

— Ты, прав, Аза. — Сэм встал из-за стола и протянул трапперу свою огромную руку. — Я уже набрался свежей силы и отправляюсь. Будь на стороже, пока я не вернусь. До свиданья!

И молчаливо, как тень, он исчез среди деревьев.

Мороз крепчал.

Моррэн вышел из хижины и принялся усердно поливать водой ствол огромной лиственницы. Часто вода стекала вниз, на землю, но ее главная масса превращалась в ледяную кору. Это и было нужно трапперу: он покрывал ледяной броней дерево, в ветвях которого были сложены припасы пищи.

Вот уже целую неделю, каждый вечер, он делал это, и в результате его усилий ствол обрас двухвершковым слоем замерзшей воды. Его тайник был в безопасности от животных грабителей, лазающих по деревьям. Правда, пока не установятся морозы, часть ледяной коры будет ежедневно оттаивать на солнце и вечерами ему придется заново обливать ствол водой, но ведь зима уже на пороге.

В дверях хижины Моррэн задержался, окинув взглядом просеку и при этом поднял руку, заслоняя кистью свои глаза от ярких лучей луны. И какой-то еще ночной бродяга также заслонил глаза почти человеческим жестом, присев в чаще леса на свои мощные ляжки. Если бы Моррэн мог заметить невидимого соглядатая, он не повернулся бы к нему спиной и не вошел бы так спокойно в хижину. Потому что только одно создание Северных лесов заслонит лапой свои глаза — каркажу или «дьявол».

Целых полчаса этот молчаливый наблюдатель сидел неподвижно. Свинные желтые глазки, устрашающие своей холодной жестокостью, сверкали жадностью и ненасытной жадностью убийства. Потом их владелец опустил на все четыре лапы и медленной иноходью направился к дереву-

складу, время от времени останавливаясь, чтобы подняться на задние лапы и взглянуть защищенными лапой глазами на жилище ненавистного человека.

Инстинкт или то, что он подсмотрел, подсказывало ему, что среди этих раскинутых ветвей была пища, или, по крайней мере что-то, что можно кусать, распарывать и раздирать в клочья.

Свет луны на просеке облил неуклюжее животное. Это был редкий по величине экземпляр. Четыре фута от кончика его порочного рыла до безобразного хвоста, как метла свешивавшегося вниз, и не меньше двухсот фунтов веса. На мощных передних лапах выгибались когти, способные разорвать, что угодно, задние лапы наливались на ходу упругими мускулами.

Целых полчаса этот молчаливый наблюдатель сидел неподвижно.

Достигнув лиственницы, животное пыталось взобраться на нее, но ледяной футляр мешал ему впиться когтями в ствол. В бешенстве оно принялось свирепо разрывать корни, вздымая вверх облака мерзлой земли. Вдруг, где-то в лесу пролаяла лисица. Мгновенно был посабит склад на дереве и лесная чаща поглотила каркажу, отправившегося преследовать свою законную добычу. А в это время Моррэн спал в своей хижине сном утомленного человека.

Рассвет застал его вновь бодрым, освеженным ночным отдыхом. Собираясь в обход «линии», он усмехнулся, вспомнив свою вчерашнюю вспышку яростного гнева. Как бы там ни было — размышлял он, — он правильно поступил, посплав Сэма оповестить остальных трапперов о грозящей опасности. Повстречав Йорктена, они уж сумеют отослать его под надежной охраной в Мак Мёррей. А пока что, вокруг лагеря все спокойно и нет нужды оставаться в хи-

жине, когда есть работа на «линии».

Если бы Моррэн, прежде чем пуститься в дорогу, осмотрел заветное дерево, он изменил бы свое мнение. Но оголенная почва не сохранила следов ночного пришельца и, на беглый взгляд траппера, все казалось в порядке. Однако, как сказал сам Моррэн, каркажу никогда не отступает от своего намерения, а траппер отсутствовал одну ночь и два дня.

Пронизываемый до костей резко изменившейся погодой, с истомленными пятидесятимильным путешествием ногами, вернулся Моррэн к вечеру второго дня и нашел в хижине полный хаос.

С края просеки он увидел распахнутую настежь дверь хижины! Взяв курок своего винчестера и пустился бегом. Единственная комната хижины была вся перевернута вверх дном, словно по ней пронесся торнадо. Одежда и одежда были изодраны в клочья, горшки и глиняные чашки раздавлены, как будто чьей-то гигантской рукой, печка опрокинута, а койки и шкаф с едой расщеплены и сломаны.

Яростно выругавшись, Моррэн стал искать следы преступника. Широкие отпечатки лап на земляном полу не оставляли ни малейшего сомнения. Россобаха! Это подтверждала и зияющая в углу хижины дыра — сумка из козьей кожи с «оборотными деньгами» была выкопана и унесена прочь! Плотной убитая земля была разрыта кем-то, работавшим природными инструментами, а унести бесполезный ему предмет могло только одно животное мерзлых стран — росомаха!

Моррэн зажег фонарь, оставшийся неповрежденным, так как он висел слишком высоко для зверя, и поспешил к своему складу. Благодарение судьбе! Окованный льдом, ствол устоял перед усилиями каркажу. Траппер закинул за одну из ветвей веревку и вскарабкался вверх за новыми припасами пищи.

Он не мог следовать врага в темноте, но поклялся себе всеми святыми заполнить его на утро. Свирепо исправил, насколько это было возможно, нанесенный хижине ущерб и приготовил еду. Ему не везло, это было очевидно! Словно не достаточно было неприятности с Йорктеном, судьба наслала на него проклятье в виде росомахи.

Перед тем как лечь спать, Моррэн с полчаса поливал лиственницу. Закрывшись плотно желтым одеялом и закрыв глаза, он еще раз поклялся себе на завтра наверняка отплатить каркажу.

Но в борьбу между траппером и его грабителем неожиданно вмешались злобствующие стихии. Пока Моррэн спал, а упрямая тварь снова изливала свою ярость на ствол дерева, быстро бегущие облака заслоняли лунный блик. Лесные обитатели поглубже забрались в берлоги и норы. С севера налетела снежная буря.

Даже росомаха направилась к своему отдаленному логовищу, — ибо дикие звери знают, когда нужно лечь и притаиться.

Забрезжил северный рассвет. Моррэн встал, надел верхнюю одежду и вышел наружу. Бешеный порыв ветра едва не сбил его с ног. Увидав покрытую снегом тундру, он с горечью понял, что ему не выследить каркажу, пока тот не вернется обратно. Но что он вернется, было несомненно.

Целые сутки бушевала и выла буря. Потом жалобно унеслась вдаль, засыпав эту ненанесенную на карту дикую страну глубоким снегом. Но остался мороз, едкий мороз, проникающий во все внутренности человека.

Моррэн, сытый и тепло одетый, за долгие годы привыкший к холоду, не боялся ледящей стужи. Бездействовать дольше было ему не под силу и он решил обойти свою «линию», оставив в хижине кое-что для каркажу, если тому вздумается завернуть во время его отсутствия.

Трапперу были отлично знакомы привычки росомахи. Он знал, что на всем Белом Севере не найти более неуловимого животного. Одаренное почти человеческой хитростью, оно никогда не попадает в стальные капканы. Но зато оно не бродит днем и поэтому надо было обогнать его по «линии», пока оно не похитило пойманную пушную добычу, не разорвало ловушек и не утащило их.

Проклятое животное! Ненависть Моррэна к этому дьяволу в меховой шкуре, разделяемая всеми трапперами, укрепила его в решимости приготовить заготовку, против которой восставала его добродушная натура. Что делать, другого выхода не было.

Он вынул из шкафа все съестное, кроме солонки с солью, куски свинины и жестянки сиропа. Эти три предмета он обильно пропитал стрихнином. Моррэн хорошо знал, что мог оставить их у подножья дерева-тайника и коварный каркажу ни за что не притронулся бы к ним, потому что его не привлекает то, что можно достать без хитрости и уловок.

Неписанный закон лесов повелевал трапперу оставить предупреждение о ядовитой приманке. Поэтому, он нацарапал углем на попокей на пергамент шкуры ласки грубое изображение черепа, перекрещивающиеся кости и четыре слова: «Яд! Не трогайте эту еду!» Прикрепив шкуру к двери шкафа, он направился в обход.

Весь день Моррэн пробирался по снегу вдоль своей «линии», открывал одну за другой расставленные ловушки и осторожно

вынимал приманку. Росомаха, если она ночью последует по его следу, не найдет ничего, на что излить свою досаду, кроме холодной стали. Если же животное нанесет новый визит в хижину, Моррэн, вернувшись домой, обнаружит яственный след к его логовищу, потому что умирающий зверь всегда, напрягая последние силы, стремится достичь своей берлоги. А Моррэн был твердо убежден, так как он не нашел никаких больших следов, что сумка с его «оборотными деньгами» унесла росомаха. Прямой след к его деньгам. Эта мысль заставила траппера угрюмо усмехнуться.

Прибавив шаг, Моррэн к ночи достиг конца своей «линии» и на рассвете следующего дня вышел в обратный путь.

Единственная комната хижины была вся перевернута вверх дном.

По дороге он тщательно высматривал, не виднеются ли где в снегу следы «обжоры». Но их не было. Однако, девственный вчера снежный покров за ночь уже был испещрен идущими во всех направлениях отпечатками лап обитателей пустыни севера. Сезон обещает быть удачным, — подумалось трапперу. — На счастье нет волчьих следов: эти разбойники все еще охотятся дальше на севере и пройдут еще несколько месяцев, прежде чем они появятся и начнут грабить ловушки. Единственное, что остается сделать, чтобы обеспечить себе богатую добычу мехов, — это избавиться от росомахи, именно от этой одной, потому что на 50 миль кругом не найдется второй. (Хорошо хоть то, что огромные каркажу севера крайне редки).

Мысли траппера так были поглощены зверем, что он совсем позабыл о Йорктене. Приближаясь среди спустившегося на лес сумрака к хижине, он и не подозревал, что измерзший, изголодавшийся, растерявшийся от страха человек усталой походкой плетется в том же самом направлении, по свежему льду реки.

Не знал Моррэн и того, что с юга безобразное, мощное и свирепое животное, короткие изогнутые передние лапы которого обладали силой трех человек, медленно прокладывая себе путь к той же хижине.

В этом случайном состязании двух мужчин и животного первым добрался до финиша каркажу; посмотрел в тусклом свете луны заслоненными лапой глазами опушку леса и покинутую хозяином хижину и направился к тайнику в лиственном.

Он атаковал дерево со всей своей дьявольской силой, но скользкая поверхность противилась усилиям твердых, как железо, когтей. Взбешенный неудачей, зверь с ворчаньем покатылся к хижине, но внезапно быстро отскочил и спрятался за деревьями: со стороны реки показалась жалкая человеческая фигура.

Животное увидало человека, но человек его не заметил. Йорктен, напрягая обведенные заledenевшей коркой ресниц глаза, искал взглядом хижину. Вид у него был ужасный: за плечами у него не было ни ружья, ни пищевого мешка, ни свертка одеял, только небольшая сумка из козьей кожи была крепко привязана к куртке. Руки были обнажены и сверкали жуткой белизной. Лицо было покрыто мертвенно-серой бледностью, — грозный признак обмороженной кожи. Шатаясь, он потащился к хижине. Ступни его тяжело ступали, словно они были из дерева и принадлежали не его ногам, а чьим-то чужим.

Сумка из козьей кожи, — оборотные деньги Моррэна, — представляла собой небольшое состояние. Бросив после покушения на убийство Сама челнок, Йорктен всего несколько дней тому назад пошел на «крайний риск» — тайком вернулся сюда, чтобы украсть это сокровище. А теперь он впервые в жизни понял, что деньги не всегда помогают. Он, конечно, не знал, что росомаха удачно покрыла его следы, и что Моррэн подозревал в краже не его, а зверя.

Господи! Чего только он не натерпелся за последние три дня, с тех пор, как снежная буря нагнала его на пути в «цивилизованный мир»! И откуда было знать ему, выросшему в городе человеку, что северные реки даже в самую холодную погоду имеют полыньи. Он провалился сквозь одну из таких смертельных ловушек и, при отчаянных попытках выкарабкаться оттуда, потерял пищевой мешок, ружье и свертки одеял. Когда он выбрался на лед, ему оставалось на выбор: либо вернуться к Моррэну и открыться ему в своем преступлении, либо идти дальше к югу, в надежде набрести на почту или на хижину какого-нибудь траппера. Он выбрал первое.

Может быть, Моррэн, с его многолетним опытом жителя Севера, сумеет спасти его обмороженные руки и ноги. Сначала они болели, но теперь он совсем перестал ощущать их, а это означало грозную опасность.

Пища, тепло и отдых! Вот в чем он нуждался, чтобы прийти в себя! Еще одно усилие одеревеневших ног, и жал-

кая фигура рванула дверь и, спотыкаясь, ввалилась в хижину.

Из чащи леса зорко наблюдали злобные глаза. По движениям человека умное животное почувствовало, что бояться его нечего. Обуреваемое жаждой разрушения, оно медленно направилось к хижине.

Йорктен шарил замерзшими руками, пытаясь найти спички, чтобы развести огонь. В темноте он не мог разглядеть, что хижина обнажена от вещей, за исключением оставленных для «обжоры» приманок. Не находя того, что ему было нужно, он прекратил поиски и, хныча, повалился на койку, заклиная судьбу, чтобы скорее вернулся Моррэн.

Боль и слабость помешали ему увидеть, вернее, услышать входящего в хижину пушного зверя. Он не слышал треск дерева, когда животное, прямо подойдя к шкафу, сорвало запоры. Не слышал, как мощные лапы разрывали кусок отравленной свинины.

Отчаянный приступ режущей боли овладел человеком. Несколькими секундами позже режущую мучительную боль ощутил и животное. Однако, животное было избавлено от моральных страданий: в нем шевелился только инстинкт.

Обезумев, оно принялось рычать и кататься по полу, все более свирепея, чем сильнее въедался в его внутренности стрихнин. Что-то внушило ему, что это ужасное страдание причинил ему его ненавистный враг — человек. А тут же, вблизи, оно ощущало это, лежало беспомощное человеческое существо. Собрав слабеющие силы, зверь бросился на койку...

Донесшийся до него адский шум заставил Моррэна второпях швырнуть на-земь свою тяжелую ношу, и поспешно взвезда курок, безумно кинулся к хижине. Очевидно, каркажу вернулся, съел приманку и теперь рычит в смертельной агонии!

С ружьем наизготове, траппер остановился в дверях хижины: в темноте нельзя было ничего разглядеть, слышно было только ворчанье зверя. Не было нужды входить в осененную смертью хижину, чтобы очутиться лицом к лицу с опасным животным, — скоро все будет кончено.

Прошло несколько напряженных минут. Ворчанье затихло. Раздавался лишь слабый стон. Мгновением позже росомаха с трудом подтащила к порогу хижины. Искушение представившейся вдруг мишени невольно заслонило в голове траппера прежний замысел, — выследить берлогу зверя и вернуть свои деньги. Моррэн поднял ружье и выстрелил. Трижды рывкнул винчестер. Каркажу был мертв... Но стоны изнутри продолжались!

Едва веря своим ушам, со странным шемющим ощущением в груди, Моррэн окаменел на месте и весь превратился в слух: это были человеческие звуки, сомнения не было!

Траппер опустил глаза в книгу, поясняющую все испытанному обитателю лесов, — в покрытый следами снег. Господи! Отпечатки человеческих ног! Перепрыгнув через распростертое животное, он ринулся в хижину. Пошарив две-три секунды, зажег фонарь. Закаленный суровыми испытаниями Севера, он все же невольно вздрогнул и отшатнулся от лежавшего на койке изуродованного подобия человека. Потом наклонился над стонущим существом:

— Кто вы?

Слабый шопот ответил:

— Йорктен...

— Вы поели свинины?

— Нет... Какое-то животное набросилось на меня... Я...

Шопот перешел в молчание.

Моррэн бережно приподнял молчаливое тело, — посмотреть, совсем ли его покинула жизнь, и увидел свою кожаную сумку — украденные «оборотные деньги». Снял сумку и спустил труп на койку. Потом задумчиво перевел взгляд с человека на животное: оба злоумышленника сами навлекли на себя неумолимое правосудие Севера.

КАК ДАЛЕКО МОЖНО ВИДЕТЬ В МОРЕ?

Радиус земли равен 3.366 км. Если глаз находится на расстоянии 1 м от поверхности воды, то он может видеть на расстоянии в 3.570 м. Дальше с такого расстояния от воды видеть, из-за круглой формы земли, невозможно. С высоты двух метров можно видеть на

5.500 м, с 4 м — на 7.800 м, с 5 м — на 8.700 м. При 10 м можно видеть на 12.300 м., при 20 м — на 17.400 м., при 50 м — на 27.600 м и при 100 м — на 34 км.

Очерк Лесника.

Рисунки М. Пашкевич.

Как только роем белых мух замелькает в воздухе снег, медведь идет спать. Прежде чем забраться в берлогу, всегда приготовленную с лета, медведь непременно проведет часа два-три на моховом болоте, на клюкве.

Это не еда, не утоление жажды, не лакомство, это прием лекарства.

Обычно на зимнюю спячку залегает вполне сытый зверь, набравший за лето большой запас жира, на три-четыре месяца лежания без какой-либо еды. Случайно косяк без берлоги прикладывает на лежку лишь медведь-шатун, не наевшийся досыта или потерпевший от какого-либо происшествия: ранили, напугали летом, прогнали с намеренной берлоги. Такой тощий неудачник шатается всю зиму где попало и часто гибнет от голода или в грызне с волками. Медведь, которому ничто не мешало в свое время вволю наестся красно-бурой гречи, растущей на болотах, овса на полях, ягод в перелесках, а в лесу меда диких пчел и муравьев, такой откормленный медведь перед зимним сном ищет клюквы, проглянувшей яркими пятнами среди рыжей зелени моховых болот. Убедившись, что клюква на него подействовала, как следует, он идет спать. Если клюквы нашлось мало или действие ее не вполне достигло цели, медведь по дороге к берлоге ест еще какие-то травы и коренья, выкапывая их из земли. И эти «порои», груды мха и дерна, взбудораженных когтями могучих лап, так ясно выдают путь косматого хитреца, виднеясь даже издали среди нежно-яркой белизны первой пороши! А он хитрит, идя спать, лесной великан. Он знает, что его всегда ищет непобедимый, страшный враг, и он обдуманно прячет свой широкий след, так странно, так жутко напоминающий даже на сырой дороге, не только на снегу, отпечаток ноги человека.

Медведь к берлоге никогда не идет дорогой или тропой, он лезет «дромом», чзпыгой, трущобой — таким путем, где пройти можно только с его силой. Если есть возможность свернуть в топь, в болото, в ручей, медведь не пропустит случая ими воспользоваться и час-два-три бредет по воде — лишь бы скрыть след, лишь бы отвязаться от ненавистного врага. Такой способ защиты медведю часто удается: путь к берлоге теряется в воде, в непролазной грязи, в непреодолимой заросли. Враг медведя коварен, вооружен, но силами слаб, он не может пройти по медвежьей дороге!

И сытый зверь ложится на мягкую постель из откушенных вершин молодых елей и заботливо когда-то тайком принесенных... Летом этих «закусей» нигде нет, а к зиме поблизости от берлоги они всегда ясно видны: значит, в последние дни перед сном медведь озабочен устройством зимнего ложа.

В яме ли у корней поваленного бурей дерева, во впадине земли под его ветвями, в обрывистом берегу оврага, все равно где, берлога устроена непременно так, что внешняя вода в нее попасть не может. Никаких объедков в берлоге никогда нет, какой-либо грязи тоже почти никогда не бывает. Ведь он недаром принимал лекарство! У медведя, выгнанного из берлоги, желудок всегда пуст и ки-

шечник чист... Дух в берлоге, однако, очень тяжелый и заставить собаку войти туда нельзя, но ведь с кого что и спрашивать? Не ландышем же благоухать медвежьей спальне.

Видит ли медведь сны? Вспоминается ли ему удачное посещение дупла, полного медом, или сыпучая, остро пахнущая гряда сухой хвои, особенно обильная жирными крупными муравьями? Не просыпается ли медведь в тревоге, вдруг в тягостном видении пережив вновь ту жаркую летнюю ночь, когда он, медведь, на овсяном поле сосал созревающие молочно-сладкие колосья, а откуда-то с темных деревьев сверкнул огонь и грянул выстрел?

Как бы там ни было, старый медведь спит тихо, а молодой с начала лежки гудит. Станный дрожащий звук слышен далеко, и кажется, будто сотни громадных жуков в стремительном полете несутся над берлогой: это медведь так звучно сосет лапу... Проверить это трудно! Уверяют же в том люди, посвятившие свою жизнь почти невероятному промыслу: доставанию медвежат из берлог. А снег летит, и мягкие хлопья устилают берлогу белым покрывалом: через ровную гряду теперь очень просто пройти, не заметив, что под ней берлога.

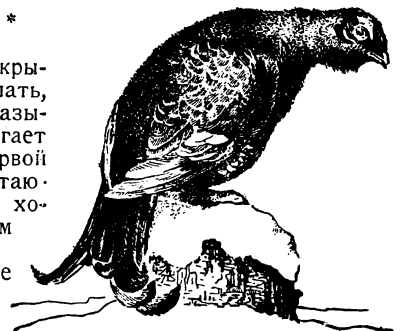
Гуденье оттуда слышится недели две, затем все умолкает. Глубок и долгов сон... Медведь не слышит, как хищная мелочь дерзко шнырит по берлоге и — верх нахальства! — стрижет мех его, огромного зверя. В гнездах горностая, ласки, бурундука, даже белки легко найти клочья отгрызенной медвежьей шерсти, а шкура медведя, убитого на берлоге, почти всегда исполосована точно ножницами зубами грызунов.

Их мелкие следы указывают и форточку берлоги, отверстие никогда не закрывающееся совсем; к концу зимы обвеянное снегом, обмерзшее висящими сосульками льда, оно все-таки дает струю воздуха в берлогу и... предательски доказывает, что он тут, спит, простодушный хитрец-медведь.

Еще только барсук да еж, оба напоминающие медведя лапами и способностью набирать за лето жир, укладываются в норы спать при первом дуновении зимы, несущей белые хлопья. Следы барсука редко удается увидеть в снегу. Вот, глядя на сырую землю около барсучьей норы, можно подумать, что ребенок тут бегал босыми ножками: так ясно виден отпечаток маленькой круглой пятки с крошечными пальцами.

Мягкая белая пелена, скрывающая улегшихся на зиму спать, ясно по печатному рассказывает о тех, кто бежит по полям, покрывшимся первой порошей, выдает тайны летающих по лесным вершинам, хотя бы слегка присыпанным пушистым серебром.

В некрупном березнике или осиннике у корней деревьев нащипаны сережки, почки, листья. На траве, на земле — «по чернотропу» — такие остатки тетеревиного обеда почти незаметны. А снег предательски объясняет: они были здесь, тетерега, краснобровые, иссиня-черные,

бодрые, сильные, большие птицы, они ели тут. Тогда догадаться просто: глупцы, они прилетят сюда опять, если им выставить два-три чучела, на них слегка похожих. Иногда выставляют даже не чучела, а чурки — тетерева летят и садятся к ним: такой общительно-безмозглый народ.

Охота на чучела, вернейшая из осенних охот, имеет много достоинств и только один недостаток: к концу ее охотник в шалаше непременно озябнет так, что проклянет все на свете.

Глухарей теперь увидеть просто, убить — почти нельзя. Там, где молодая хвоя, затаившись от холода осталась нежно-зеленой, они сидят у вершин сосен, огромные черные петухи и пестрорыжие куры, но прежде чем щипнуть мягкую зеленую иголку, каждая великолепная птица оглянется во все стороны, и далеко, ясно видит ее круглый малиново-красный глаз. При малейшем чуждом движении среди сонного леса вся стайка глухарей — больше пятишести они не собираются — снимается и летит высоко. Они любят клевать горькие ягоды можжевельника и короткую его хвою, пока она не огрубела, но в густых можжевельниковых кустах, где, казалось бы, так просто застать их врасплох за вкусной едой, они, эти огромные лесные куры, слышат изумительно тонко. Сами возьматься, трепыхаются, ворочаются шумно в сушняке, ничего, все спокойно клюют, а чуть треснул сучек от шага человека — с громовым треском взрывается вся стайка. Остается полюбоваться отпечатками глухариних лап по свежему снегу. Проваливаются эти лапы, вязнут, слишком тонкие длинные пальцы при такой тяжести, — нет, не годятся глухариние лапы для беготни по сугробам.

А что это за след? Целая тропка плотно промята какими-то крестообразными лапами... Фрр! Вспрыгнул табун белоснежных птиц, казавшихся пятнами пороши среди кустов: белые куропатки. Выстрел! Последняя кувырну-

лась: не задерживайся... Вот лапы так лапы для сн. га: из каждого пальца веером растут перья! На таких лапах не хуже, если не лучше, чем на лыжах бежать над снежной глубиной. Белые куропатки охотнее бегут по снегу, чем летят, бегут прямо, без уверток. Человек легко выслеживает их откровенную тропу, забегает вдоль ее вперед, растягивает там неширокую сеть поперек предполагаемого пути, возвращается, бежит по следу, орет, стучит палкой о палку, и перепуганные, почти настигнутые курочки вспархивают и всем иногда многочисленным табунком вваливаются в сеть, если только она поставлена сколько-нибудь в меру их безхитростного прямого полета.

* * *

Куропатки любят копаться там, где заяц щиплет едва запорошенную снегом озимь, и шумный взлет их, радостный среди безмолвия зимы, иногда может ошеломить охотника, чересчур увлекшегося рассматриванием заячьих хитростей на снегу. Пушистый плут, беляк, таившийся осенью в чаще, теперь смело выходит в поле: ему известно, что черны у него только кончики ушей да глаза. Он не дрогнет ими, лежа открыто среди зеленой, он — пятно свежего снега!

А если пороша настолько уже обильна, что дает непрерывный след, то заяц сумеет его запутать. Он делает петли, пересекая собственный след, он делает двойки, идя рядом с этим следом в обратную сторону, он делает сметку, громадным прыжком в сторону вдруг исчезая со

следа. И когда не очень опытный охотник, внимательно разбирая двойку, осторожно с ружьем на-чеку крадется по обратному следу, он иногда слышит за спиной легкий шорох: то ушел заяц, лежавший прямо носом навстречу врагу. Большей же частью совсем ничего не слышно, а по прочтении всей заячьей грамоты только видно: вот «малик», т.-е. заячий след, вот двойка, вот сметка, а вот он, косой хитрец, встал с лежки и махнул во все четыре лапы; это уже гонный след — у беляка к лесу, где его не найти, а у русака по полям на час, на два хода, так что за ним не набегаешься. Беда зайца в том, что он свою грамоту из века в век пишет одну и ту же, а человек, оставленный заячьей грамотой в дураках, затем читает ее не легко-мысленно, а остерегаясь повторения. Он научается пропускать петли, двойки — детские штучки! — он смотрит, куда может быть сделана сметка и, сообразив, идет туда не по следу, не в лоб лопухому хитрецу, а сбоку, на пересечку. Тут зайцу конец, как выскочил — хлоп! Случается, конечно, что сгоряча иной стрелок среди бела дня и чистого поля промажет раз за разом, — ну, значит, такое уж заячье счастье. И такого стреляного зайца соследить трудно: он к наивной хитрости присоединяет чрезвычайную осторожность.

* * *

Лисица зайца следит редко. Наткнувшись на его свежий след, она гонит зайца горячо, с лаем, как гончая со-

бака, но на коротке и, не поймав, скоро бросает; даже хороший беляк от нее уходит шутя, а про русака и говорить нечего. Вот силок, поставленный на заячьей тропе, лиса осматривает непременно и, если найдет длинноухого дурачка, запутавшегося в петле передними лапами, то она только эти лапы там и оставит, а остальное унесет. Она посещает также плашки и капканы, которые расставляются по лесу на тропках мелких хищников. Куски мяса, птички, рыбки, лежащие в них, очень вкусны на голодные зубы... Лисица осторожно ворует приманки, она не прочь вытащить из ловушки и самого попавшегося зверька, но, промышляя около этих западней, лисица посматривает зорко: она понимает, что тут близко ходит человек. И от добычи, такой, казалось бы, верной и легкой, умница бежит прочь: в лесу по снегу ей нечего делать. Зимняя птица почти безнадежно сторожка, глупец-заяц и тот ушел на озимь, а главное: в поле мыши. Они еще кое-где бегают, собирая последние семена увядших трав, и мельчайшие следы их так ясно видны на самом тонком налете снега. А если бы мышь забралась в норку, то по горячему следу просто ее раскопать! Лисица роет лапами и, чуя близость добычи, зарывается в нору носом по самые глаза. Она вероятно с голода так увлекается «мышкованием», что днем в открытом поле иногда подпускает охотника на выстрел.

У мышей, кроме того, важный недостаток: они слишком уж мелки, десятка два надо их наловить, чтобы насытиться. Где же столько времени копаться в короткий зимний день! Надо еще пробежать по проезжим дорогам, там часто валяются очень вкусные вещи... Тут в лисице осторожность борется с неудержимым любопытством. Увидев на снегу цветную тряпку или просто бумажку, лисица непременно забежит посмотреть, что это такое. Однако, даже лакомую, нарочно для нее положенную приманку лисица никогда не схватит сразу, а сначала осматривает, потрогает, перевернет лапой, понюхает. Иногда возьмет в рот, несет довольно долго и, если отравы положена в приманку неумело, лисица ее учует и выплюнет. По лисьему «нарыску» можно иногда пройти весь день, не увидев лисицы. Точно выправленный по нитке тянется тонкий сжатый след с отчетливо видными когтями. Близко ударивший выстрел, наскочившая вплоть собака заставляют испуганную лисицу скакнуть и доказать по снегу, что у нее четыре ноги, а то даже из-под гона все как будто на одной идет: так точно, чисто ставит она на ходу лапу в лапу. И, ошумившись от испуга, лисица опять «чешет» уверенной рысью, опять: лапка, лапка, лапка. Иногда на широком открытом поле,

только что запорошенном мелким снегом, видны разом четыре мышкующие лисицы. Увы! Это не счастье, это лишь обманчивый его призрак. Лисицы-то настоящие, и свежие «лапки» их отпечатаны так отчетливо, что можно любоваться каждым коготком, но расстояние от лисиц до стрелка упорно остается неизменным: шагов двести с лишком, никакое ружье не возьмет. Так заманчиво золотится красно-рыжая шубка, так роскошно стелется «труба», длинный, пушистый хвост, все это так резко выделяется на свежей белизне, а не сделать ничего! Лисица видит охотника и не подпускает. Неопытный охотник, бросаясь от одной лисицы к другой, может дойти до полного изнеможения, а лисицы все будут ходить, мышкуя, у него на глазах, почти на выстрел. Вот если запустить тут умного бодрого гончака, пережившего две-три осени, он живо распорядится, тогда тут может выйти толк. Лисицы, увидав собаку, мгновенно идут на-уток в разные стороны. Глупая полудворняга, конечно, кинется с лаем за ближайшей лисцей и угонит ее, чорт знает куда, чем дело и кончится. Но настоящий красногон «смастерит». Он, басисто повизгивая, как будто задыхаясь, идет широким кругом по полю, он охватывает все четыре нарыска, и ошарашенные лисицы с ужасом следят за псом, грозно несущимся по краю снежной равнины. Они все четыре смотрят в одну страшную точку и все бочат к перелеску, спасительно маячащему в углу поля. А опытный гончак, убедившись, что гонимое зверье выровнялось в линию, вдруг наддаёт ходу, да так наддаёт, что, бросив след, «варом варит» по зрячему: летит, ревет, стонет, визжит, чуть ли не плачет. Под таким натиском лисицы уже не рысая, они несутся во весь мах, прыгают через кусты, через пни, падают, ушибаются о камни, набегают на охотника в упор.

Это нелепая, совершенно неправильная охота. Не надо никогда так делать... Бежать с ружьем по скользкой поуже наперерез стрелкам несущейся собаке, бежать так, чтобы и собаку эту и удирающих лисиц значительно обогнать и, задыхаясь, притаиться в пелеске, — уже одна эта беготня неприлична до крайности. А влететь с разбега по пояс в полузамерзший ручей? А, споткнувшись за кочку, удариться наотмашь лицом о стволы ружья, а напороться на сухой и острый сук... Да мало ли способов искалечиться при такой глупой, глупой, глупой охоте, дающей — что хуже всего, — очень мало надежды на успех. Но... раз за разом наповал положить двух темно-красных лисиц, несущихся бешеными скачками через поваленные деревья, даже одного такого случая достаточно, чтобы через всю жизнь с восторженной благодарностью вспоминать хриплый басистый лай, умело устроивший сумасшедшую охоту!

* * *

Сколько-нибудь подобного случая с волком быть не может. По снегу днем волк один не ходит. Отпечаток на песке волчьей лапы во всей ее мощи можно найти на пустынной отмели реки, где присаживаются на ночлег прилетные гуси. При всей строгости осенних гусей, несмотря на крайнюю бдительность их стариков-сторожевых, волки ухитряются подбираться к серым станицам. Какое гоготанье, какой безумный крик, какое отчаянное хлопанье крыльев вдруг бурею взрываются над темной уже леденеющей рекой и, постепенно затихая, исчезают где-то в вышине! А утром по песку видно: приходила огромная собака. Вот тут она лежала, долго лежала, впадина образовалась, вот ползла на брюхе к гусяному стаду, усеявшему отмель мелкими перьями, отпечатками перепончатых лап и всякими несомненно гусиными следами. Вот она прыгнула: все четыре когтистые лапы глубоко взбудоражили песок. А, кровь, окровавленные перья, вырванные с мясом... Ушла собака. Нет это не собачий след: пальцы длинные, сжатые, круглая мякоть лапы мала, преобладают когти, когти острые, напряженные, так глубоко вонзившиеся, как собака этого сделать не может. Тут волк удачно поохотился, несомненно: это лапа волка.

Волки очень любят гусей и, шатаясь по задворкам деревни, где так вкусно пахнет всякой всячиной из хлебов, охотнее всего хватают эти длинные гогочущие шеи... Но, едва выпадет снежок, гуси исчезают, поросята хрюкают где-то под замком и тонконогие жеребята не прыгают около маток — пропала легкая волчья добыча. Тогда уже не в одиночку, а выводками, если не стаей, волки идут ловить... собаку. Обычно на рассвете, когда скрипят, скользя над колодцами, журавли, достающие воду, а иногда даже середь бела дня, один волк, сломя голову, трусливо

удирает через деревню. Собаки поопытнее, поумнее лишь заливаются отчаянным лаем, выглядывая из-за подворотень, но всегда найдется глупая шавка, которая кидается преследовать бегущего волка. Она несется за ним чуть ли не кувыркаясь в восторге от своей победы, выскакивает за околицу и... упираясь всеми четырьмя лапами, вздыбив всю шерсть, осаживает, старается вернуться. Поздно: ее мгновенно рвут на куски пять-шесть серых зверей, уверенно поджидавших, когда она, глупая шавка, вывернется за деревню. На месте волчьей закуски — снег, с кровью и клочьями шерсти, взбудоражен множеством когтистых лап, топтавшихся в сутолоке грызни, но когда, закусив собачкой, звери пошли прочь, неопытному взгляду на белизне может показаться только один след: так точно, так ровно, чисто, все волки, идя гуськом, ставят лапу в лапу. Привычка, расчет воров, сбережение сил, кто скажет? Вероятнее, и то, и другое, и третье. В это время ловить волков на выстрел напрасная трата сил. Серые вори довольно легко показывают все представление, ловлю деревенской собаченки, но едва появляется в виду ружье, волки исчезают. Если положить им падал, то после длинного ряда очень хитрых предосторожностей, волки начинают ее жрать и тогда перестрелять их просто, но... скучно.

* * *

Снег в лесу набирается совершенно незаметно. Ночью незримые, беззвучные летят мягкие хлопья, и к утру ими гладко покрыто все; исчезли вчерашние следы, свежая пороша показывает лишь тех, кто вот-вот сию минуту тут пробежал.

— Кик-кик — слышится резкий пискливый голос.

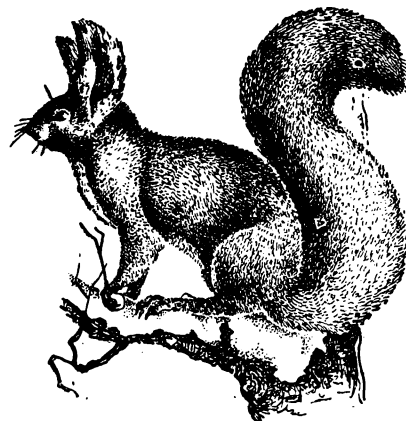
Какие смешные лапки отпечатались на снегу: два когтистых пальца вперед, два пальца назад, целая цепочка таких следов. Кто такой?

— Кик-кик!

Крупная узкая черная птица с красной головой торопливо бежит по снегу, оставляя такой странный след. Дятел! Он вспархивает на сосну, возится там недолго в ветвях и летит к пню, таща в клюве шишку. Ба! Да тут у него целая мастерская. Сосновые шишки затисканы в расщелины пня, некоторые из шишек свежи, нетронуты, другие наполовину растрепаны, пустые валяются кругом пня. Вот молодец дятел: червяки от холода попрятались, так он за шишки принялся, да еще станок, держалку для них устроил. Однако, те, кому червяки необходимы, ухитряются доставать их и зимой. Вертлявые синицы с неумолкаемым «ти-тю-ти-тю!» лазят по ветвям, иногда головою вниз, и вытаскивают из-под коры гусеницу... Еще бы: носы у этих вертушек точно шилья! Остатками растрепанных гусениц усыпано подножье ели — улика налицо, на снегу ничто не скроется.

А по наклонившейся, полузасохшей, кривой сосне кто-то взобрался, как будто зайчик: две лапки, маленькие, тонкие и спереди две пошире. Нечего зайцу делать на дереве. Э, да там высоко дупло — значит, белка там спит. Вон и грибы на колючках засохли: это на зиму заготовка. Теперь разве срубить столетнюю ель, тогда серенькая хозяйка выскочит и, сердито шипя, поблескивая черными глазками, раздувая не по росту пышный хвост, помчится с дерева на дерево. А так, сколько ни стучи по стволу, по корням, по ветвям, она отлежится, разбойница, не покажется.

Речка синяя-синяя, почти черная, холодно блестит между безлистными кустами, по извилинам берегов кое-где уже ледок, и там на белизне свежей скатерти двойные лапки, лапки, лапки... Тут кто-то прыгал, маленький, но хищный: острые когтишки отпечатались ясно. Хорек, ласка? Нет, кто-то покрупнее. Это норка, темно-рыжий

хищник, величиною с небольшую кошку. Лапки, лапки... Под корни ольхи, подмытые речкой, ведет узкий прямой след, там под корнями не жилище, а лишь кладовая: плотички, окуньки, головлики—рыбный склад, наворованный из ближнего закола. Вон там человек перегородил речку ветвями так, что рыба, желаящая пройти сквозь забор, идет через воротца в... сетку, пристроенную под ними. А к сетке является такой красивый в темно-рыжей блестящей шубке вор, утаскивает рыбу, и никто, пожалуй, об этом не узнал бы, если бы не предатель — снег.

Под берегом на льду рыбага ловка валяется, целая рыбка, еще... Что такое, неужели вторую кладовую норка набивает краденой рыбой? Вот нахалка, вот богачка на чужой счет, вот жадюга! Так-то оно так, вторая кладовая да только разграбленная: во все стороны от нее разбегаются мелкие узорчатые следы — ласки, горностая, просто крысы, кто их там разберет. Это значит, воришки вора обворовали. Обычное дело, везде так...

Опять? Два пальца вперед, два назад, все четыре с когтищами. Уже исчез красный круг солнца, все птицы спят... И, судя по когтям, что-то уж очень велик должен быть дятел. А, вот это кто! Размахивая огромными беззвучными крыльями, как призрак, отлетает в лесную глушь полярный гость, почти белая сова. Она пешком идет по заячьему следу, доходит до зайца, запутавшегося в силке, и распоряжается с ним очень скоро так, что остается лишь череп да несколько клочьев шерсти. Сова охотится на зайца и самостоятельно, без участия человека, хотя также по заячьей тропе. Заметив, где пробегаю, прыгают лопухие дурачки, любящие резвиться и кормиться в лунные ночи, сова, держась одной лапой за куст, пристраивается

так, что другая ее лапа висит как раз над тем местом, где прыгнет заячья спина, и тогда четыре когтя сделают свое дело, если... если заяц не слишком силен. В случае такой ошибки на кусте, чересчур крепко вцепившись в него лапой, остается висеть около половины совы, а другой обрывок треплется на спине зайца, пока не отвалится.

Как пернатый хищник, весь белый, среди мертвой белизны зимней ночи, блещит круглыми глазами, висит на кусте с протянутой лапой? Как мелькает под этой лопушкой заяц, что и как именно происходит там у них в кусте, осыпанном серебряной пылью, залитом лунным светом? Подсмотреть это, пожалуй, труднее, чем первый сон молодого медведя, сосущего лапу. В таких случаях приходится верить на слово тем, кто днем и ночью заняты, как важнейшей жизненной заботой, чтением вечной книги леса.

А совиная лапа, несомненно оторванная от туловища, засохшая, переставшая держаться за кожу когтями, лишь запутавшаяся в шерсти на спине русака, вовсе уж не чрезвычайная неслыханная редкость: такую лапу случалось видеть не раз. Откуда же у русака на спине возьмется этакая лапа: два когтя вперед, два назад? Больше неоткуда, как со снежного куста от совы, наказанной за ошибку в зимнюю лунную ночь.

ЛЕСНИК.

ЛЕОНАРД-СЫЩИК

Рассказ Матрека.

У Леонарда была душа сыщика. Громкие убийства и сенсационные кражи заставляли его буквально трепетать. Его познания в уголовных делах были весьма значительны. Он хранил у себя дома газетные вырезки обо всех громких преступлениях. Леонард был убежден, что когда-нибудь ему представится случай отличиться, что он когда-нибудь вмешается в какое-нибудь громкое дело и заставит говорить о себе. В ожидании этого дня, он служил счетоводом в газовом обществе.

Когда Леонард Делабют узнал из газет о похищении драгоценностей из музея Кондэ, он воскликнул:

— Ну, конечно, я, ведь, так и знал! Это неизбежно должно было случиться. Ведь музеи у нас так плохо охраняются...

***

Однажды вечером, проходя по бульварам, он опередил каких-то двух незнакомцев и слышал, как один шопотом сказал другому:

— Все еще ничего с этими проклятыми бриллиантами не сделано! Лопнуть можно.

У Леонарда екнуло сердце. Но он быстро овладел собой, призвав все свое хладнокровие сыщика.

Он замедлил шаг, чтобы незнакомцы, в свою очередь, опередили его, и решил следовать за ними. Дважды он успел приблизиться к ним, не возбуждая их подозрения.

Он продолжал слежку. Незнакомцы сворачивали с одной улицы на другую, затем зашли в маленькое, скромное кафе и уселись за столик в глубине зала.

Леонард тоже вошел в кафе и уселся поблизости от них. Он заказал кофе и закурил папиросу. Он не знал, как быть. Пойти ли ему сейчас же заявить в полицию или же ожидать, покуда придет кто-нибудь из сообщников этих злодеев? Он еще колебался, не зная, что предпринять, когда появился третий незнакомец. Он подошел к первым двум и сказал:

— Конечно! Остальные драгоценности удастся сбыть гораздо легче...

— С большим розовым бриллиантом ничего не поделаешь! Кто его купит?..

Леонард торжествовал. Он пробормотал про себя:

— Ну, конечно, бриллианты сбыть не простое дело! Это тебе не булки...

— Быть может, повидать кого-нибудь из перекупщиков?

Он позвал официанта, расплатился и ушел. В ночной тишине, тихо нажимая на педали, проезжали полицейские-самокатчики.

Леонард торжествовал. Пусть себе полиция ищет! На истинный путь случай, этот всемогущий бог, поставил его — Леонарда.

У него быстро созрел план, как найти воров, обокравших музей, и тотчас же он обратился в розыскную полицию с предложением своих услуг.

***

Когда хозяин кафе и посетители увидели, что двое полицейских врываются в мирное заведение, они подумали, что представители власти внезапно сошли с ума. Но тройка, сидевшая в углу, тотчас поняла в чем дело. Полицейские вынули два револьвера и два энергичных голоса скомандовали:

— Руки вверх!..

Трое мужчин казались скорей смущенными, чем испуганными. Один пожал плечами, другой рассмеялся и сказал:

— Ну, что это еще за шутка!?

Третий заметил довольно злобно:

— Да вы что, — смеетесь, что ли? Мы же из розыска... Он предъявил карточку.

Это было три сыщика, которым было поручено дознание по поводу кражи в музее Кондэ.

Леонард скрылся.

ИСКУССТВЕННЫЕ ОСТРОВА

Одного взгляда на глобус уже достаточно, чтобы убедиться в том, что между Нью-Йорком и Лондоном простирается Атлантический океан, шириной в 750 географических миль или, круглым счетом, в 5000 км. Дирижабли или самолеты, задачей которых будет поддерживать по этой линии пассажирское сообщение, должны иметь на борту достаточное количество бензина и масла, чтобы покрыть это расстояние.

В основу нашего дальнейшего обозрения положим новейший большой гидроплан, сила моторов которого равна 4000 л. с., а средняя скорость 250 км. в час. Такому самолету потребуются для перелета из Лондона в Нью-Йорк 20 часов.

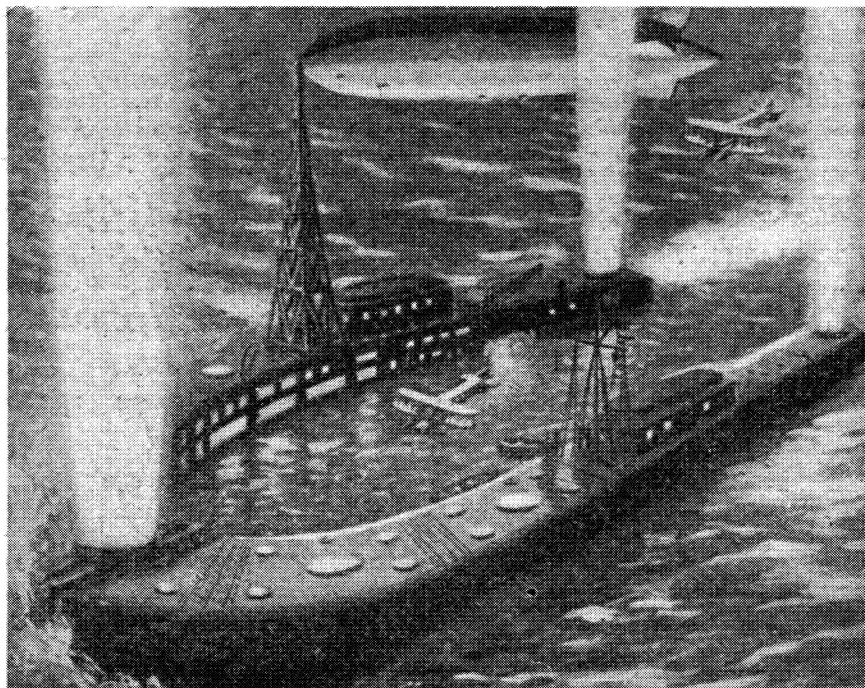
Для дальнейших вычислений примем, что современные моторы потребляют, в среднем, в один час на одну лошадиную силу 250 грамм горючего. Следовательно 4000 лошадиных сил сожрут в один час 1 тонну горючего, а для всего перелета такому самолету требуется 20 тонн горючего. Это соотношение изменилось бы к лучшему, если бы удалось на полпути соорудить плавучий аэро-пункт, на который опускались бы самолеты за новым запасом горючего. Тогда горючего брали бы с собой в два раза меньше, а вместо мертвого груза лишних 10 тонн, можно было бы взять тогда полезный груз. Если считать, что каждый пассажир и его багаж в среднем весит 200 кг., то каждый самолет мог бы тогда взять с собою на 50 пассажиров больше, имея на борту горючего меньше на 10 тонн или 10.000 кг. Допустим, что билет Лондон — Нью-Йорк будет стоить 500 р., так как этим средством передвижения будут пользоваться люди, для которых действительно время — деньги; доход с пассажиров за один перелет выразится в сумме 25.000 рублей. Допустим также, что каждый день в каждом направлении будет направляться по самолету и мы получим тогда сумму от продажи билетов 18.250.000 рублей.

Этот короткий подсчет легко показывает, что часто обсуждавшийся проект постройки в Атлантическом океане искусственного острова далеко не представляет собой игры фантазии. Остается еще обсудить, каким образом этот проект может быть приведен в исполнение, так как глубина Атлантического океана в единственно подходящем для этого места достигает, в среднем, около 3000 метров; понятно, что возможность искусственной насыпи острова здесь совсем отпадает. Остается только одна возможность, соорудить плавучий остров, но какой: деревянный или железный? Если бы Атлантический океан был спокойным водным пространством, «большим прудом», то можно было бы составить из множества огромных стволов особый плот. Практически это было бы легко выполнимо. Многим уже известно, наверное, что в устье р. Амазонки неоднократно составлялись громадные плоты, которые буксирами доводились до берегов Европы. Но для этого выбирались редкие тихие летние недели, зимой же такая плавучая постройка, наверное, не выдержала бы свирепых бурь.

Итак, если необходимый для воздушного сообщения пункт должен находиться на своем месте круглый год, чтобы служить надежной стоянкой для самолетов, то пригодным окажется одно только железное сооружение, которое учтет все достижения современного кораблестроения.

Ряд предположений можно сделать и о величине такой постройки. Самые длинные волны в Атлантическом океане имели около 800 метров длины. А потому, если плавучий остров и в бурную погоду должен лежать на поверхности океана так же спокойно, как бревно на поверхности пруда, то длина его должна превосходить длину самой большой волны, по крайней мере, в пять-шесть раз. А потому, такое плавающее тело должно быть если не в одну географическую милю, то, во всяком случае, в 4 км. длиной. Ширина его зависит от способа его установки на морском дне. Если такой остров укрепить неподвижно, то он должен иметь форму круга. Эта значит, ширина должна быть равна длине, ибо только тогда он при всяких волнах будет спокойно лежать. Если же его укрепить подвижно, так, чтобы он в любое время мог становиться своей осью перпендикулярно волнам, то ширина его может быть меньше длины.

Но теперь возникает вопрос, как такую готовую постройку, весом в несколько миллионов тонн, спустить на воду. Конечно, эта установка возможна, но только не совсем обычным путем. Прежде всего постройка на берегу моря потребует громадного сухого дока, искус-

ственно вырытого озера 50 метров глубины и диаметром в одну географ. милю. Этот док должен быть отделен от моря моллом, забетонирован и освобожден от воды. В полученном таким образом сухом пространстве и можно будет спокойно приняться за эту громадную постройку. Когда же она будет готова, в озеро понемногу начнут пускать воду до тех пор, пока остров не всплывет и вода в озере не сравняется с водой в море. После этого мол удаляется и вся громадная постройка буксируется на место своего назначения, где ее поставят на гигантские якоря.

Если приближающиеся к такому острову дирижабли

и гидропланы не будут за счет его во всякое время дня и ночи и во всякую погоду, то он не выполнит своего назначения; отчетливая видимость острова должна быть достигнута гигантскими электрическими прожекторами. Далее, плавучий остров должен представлять и удобное, надежное место посадки. Для дирижаблей типа «Цепелин» должна быть в первую очередь сооружена специальная мачта, к которой они могли бы причаливать, а для самолетов необходимые особые места спуска.

Показанный на нашем рисунке искусственный остров имеет форму подковы, внутренность которой представляет собою гавань, обращенную закрытой стороной против ветра. Здесь, на более или менее спокойную воду, могут снижаться гидропланы, так как остров острова защищает эту гавань от большего волнения.

Искусственный остров должен иметь достаточный штат служащих, запас провианта, горючего и масла, чтобы снабжать ими пролетающие самолеты и дирижабли. Кроме того, он должен иметь не только запасные части для самолетов, но и хорошие ремонтные мастерские, чтобы на нем могли быть исправляемы и значительные повреждения. Снабжение самого острова будет производиться обыкновенными океанскими пароходами, которые будут в определенные сроки сменять и его экипаж.

Н. Васютенко, А. М. Назаренко, А. Безродному, А. Баскакову, «Николаевцу», А. Заславскому, П. П. Иванову, Г. И. Ц., Б. Клевх, В. Л. Диденко, В. Козыреву, Л. Коробицыну, Ю. Янопольскому, Ходосову, М. Пилецкой, Л. Землякову, Загуменному — не подошло.

П. Н. Г. Ваша вещь принята. Сообщите свой адрес.

К. Концевичу. Относительно учебников и литературы эсперанто, обратитесь в союз «Эсперанто» Сев.-Зап. Области. (Ленинград, 3 Советская, 21) или в Ленингр. Губполитпросвет, отд. эсперанто. (Ленинград, ул. Плеханова, 1).

Герасимову. Каталоги охотничьего оружия не выпускаются за отсутствием постоянных моделей. Охотничий журнал в Ленинграде «Охота и Природа» (Пр. Володарского, 51).

Климову. Первые два приложения стоят по 20 к. каждое.

Н. Хомякову. Обратитесь в Комитет по делам изобретений (Ленинград, Просп. 25 Октября, 44).

А. Лапкину. Нашу анкету заполняли все читатели журнала.

Р. С. Возьмите книгу Миллера «Моя система». Продается в большинстве книжных магазинов.

Н. Винокурову. Обратитесь в любой книжный магазин Ленинграда.

П. Исаеву, Ю. Пекмену, А. Фисуненко, М. Егорову. Относительно выписки из-за границы тех или иных предметов, обратитесь в Наркомторг.

Подп. № 2529. Адрес об-ва «Озет»: Ленинград, Просп. 25 Октября, д. 23.

Г. Конюшкову. Марки для коллекции можно выписать из Сев.-Зап. отд. Филателистической ассоциации: Ленинград. Просп. 25 Октября, д. 16.

Острцову. Фабзавуч при нашем издательстве (Ленинград, Фонтанка, 57) готовит рабочих различных полиграфических специальностей.

С. Гринбергу. Насчет поступления в военно-авиационную школу, обратитесь в местную ячейку «ОСО-Аиохим».

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕТЬЕГО РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ:

Ножи перочинные			02539	03451	10216	01847	03609	Лыжи		03937	04466	05763	05693
			4341	05976	09827	08914	06359	08514	09586	00017	00517	06715	07143
00892	00705	08288	04102	09281	08719	09309	01530	09857	01072	04164	08642	Велосипеды	
00883	01219	03164	04522	Коньки		09045	00012	01200	01422	05288	09014	09213	06175
00319	01792	10248	05514		00124	07637	03589	06205	07356	07512	Фот. аппарат		
01585	01080	05298	03469		01264	08052	02536	01697	04189	10087	09478		
00112	08161	05973	00895	02160	03253	02274	01500	00197	02617	Кошельки <td colspan="2">Радиоаппар.</td>		Радиоаппар.	
01447	08675	00609	00514	05129	02138	05104	08146	Часы	08004	02852	06184		
00780	05750	05985	08837	01902	06978	00113	01399		05274	04412			
01753	00040	09594	09566	01168	04813	05316	04961		00311	05104	08132	08100	

Издатель: „Красная Газета“

РЕДКОЛЕГИЯ: Г. Григорьев, Е. Лавров, А. Лебеденко, Г. Ржанов, П. Чагин.

Типография «Красной Газеты» имени Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57
Ленинградский Облит № 52381. Заказ № 1840.

Тираж 90.000.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА САМЫЙ ЖИВОЙ, БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „В МАСТЕРСКОЙ ПРИРОДЫ“

12 НОМЕРОВ
36 приложений

на 1928-й год
(десятый год издания)

48 книг
в год

Журнал необходим всем интересующимся естествознанием, всем школьным и пионерским кружкам, отдельным школьникам, рабфактовцам и преподавателям.

Журнал дает возможность следить
===== ЗА УСПЕХАМИ НАУКИ, =====
знакомиться в доступном изложении с
===== ПРОГРЕССОМ ТЕХНИКИ, =====
научиться самостоятельно
===== НАБЛЮДАТЬ ПРИРОДУ =====
и доступными, дешевыми средствами
===== ИЗГОТОВЛЯТЬ ПРИБОРЫ. =====

Задача журнала: воспитывать дух любознательности, возбуждать интерес к активному изучению природы, руководить научной самодеятельностью читателей в области естествознания, наполнять их досуг полезными занятиями и образовательными развлечениями.

В течение года 12 книг.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ТРИ РУБЛЯ в год.

За доплату в ДВА рубля даются приложения ШЕСТЬ СЕРИЙ НА ВЫБОР.

Библиотеки из 6 книг каждая:

1. Библиотека развлечений.	3. Библиотека ремесленника.	5. Библиотека электрика.
2. Библиотека фотографа.	4. Библиотека физика-любителя.	6. Библиотека естествознания.

В каждой библиотеке 6 книг.

Каждая библиотека за ДВА рубля.

ПОДРОБНОСТИ В ПРОСПЕКТЕ И КАТАЛОГЕ.

Адрес конторы журнала: ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, 25/3.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ.

===== Подписавшиеся до 1-го января участвуют в розыгрыше премий. =====

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.

===== НА ЖУРНАЛ =====

„ЗНАНИЕ-СИЛА“

Ежемесячный иллюстрированный научно-популярный журнал для подростков. В журнале помещаются рассказы и повести о путешествиях и приключениях, из жизни природы и животных, статьи о жизни, быте и природных богатствах СССР; экспедиции, открытия жизнь народов Запада и колониальных стран; вопросы мироздания и происхождения живых существ; биографии людей науки.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: 1. Воздушный бой (настольная игра). 2. Справочная книга юного мастера (сборник практических рецептов).

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ (внесшие подписную плату за весь 1928 г. вперед) получают бесплатно 2 перечисленных приложения; ПОЛУГODOВЫЕ получают 1 приложение.

ПОДПИСНАЯ И РОЗНИЧНАЯ ЦЕНЫ на 1928 г. ЗНАЧИТЕЛЬНО СНИЖЕНЫ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г. — 2 р. 50 к., 6 мес. — 1 р. 30 к., 3 мес. — 70 к., 1 мес. — 25 к.

Розничная цена отдельного номера — 30 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ. Подписчики, подписавшиеся на срок не менее 3-х месяцев, могут получить (за особую плату) по значительно удешевленным ценам: Библиотечка журнала „ЗНАНИЕ СИЛА“ из 9 книжечек. Цена всей библиотечки 1 р. 15 к. (вместо 2 р. 5 к.). Серия „НАУКА и ТЕХНИКА“ 19 книжечек. Цена 3 р. 25 к. (вместо 5 р. 93 к.). Серия „МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ“ 6 книжечек. Цена 95 к. (вместо 1 р. 75 к.). Серия „БЕСЕДЫ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ“ 4 книги. Цена 2 р. 5 к. (вместо 2 р. 90 к.). Серия „ПИОНЕРЫ и СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“ 7 книжечек. Цена 1 р. 15 к. (вместо 2 р. 10 к.).

ПОДПИСКУ И ДЕНЕЖН. ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА 9, Тверская 37, Глав. Конторе периодических изданий Изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮБИЛЕЙНОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ в 1928 году

== САМЫЙ ==
РАСПРОСТРАНЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ОГОНЕК

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

В течение 1928 года к журналу „Огонек“ будет приложено Полное Собрание Художественных Произведений Л. Н. Толстого в 24 книгах. В издании будут помещены все художественные произведения Льва Толстого, в том числе «Война и Мир», «Анна Каренина», «Воскресенье» и все остальные, а также произведения, которые из-за царских цензурных условий до сих пор не включались ни в одно Собрание Сочинений Толстого: «Николай Палкин», «Молодой царь», «Работник Емельян и пустой барабан» и «Детская мудрость», отрывки из неоконченных романов: «Петр I» и «Декабристы», пьеса «Аггей». Черновые отрывки из «Войны и Мира», опубликованные в последние годы, впервые в настоящем издании вводятся в собрание сочинений. Кроме этого, впервые в полное собрание сочинений в неискращенном царской цензурой виде будут помещены: целиком изъятые главы первой части и большое количество отдельных мест «Воскресенья», «Отец Сергей», «Фальшивый купон» (целиком запрещенные 14 и 15 главы второй части и сильно искаженные 15 и 20 главы первой части), «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», «Кто убийцы — Павел Кудряш» (глава с 4 по 16, не пропущенные цензурой целиком), «Перомонах Псевдор», «Нет в мире виноватых» (1-й, 2-й варианты, две различные версии истории улья с зубочной крышкой).

Все тексты произведений, составляющих настоящее собрание художественных творений Льва Толстого, выверены по наиболее авторитетным изданиям, а в некоторых случаях и по рукописям.

Собрание сочинений выходит под редакцией проф. П. П. Гизенко и проф. А. М. Цявловского, со вступительной статьей А. В. Луначарского о творчестве Л. Н. Толстого. Настоящее Собрание Сочинений Льва Толстого является первым послереволюционным изданием, напечатанным по новой орфографии. Собрание будет состоять из 24 книг, напечатанных убористым четким шрифтом, по 12 печатных листов (около 200 страниц) каждая. Всего в 24 книгах будет 288 печатных листов (всего 4.600 страниц). Ежемесячно подписчики будут получать по две книги.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА „ОГОНЕК“ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

1-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого — 13 р. 50 коп.

52 №-ра еженедельного иллюстрированного журнала „ОГОНЕК“ с приложением Полного Собрания Сочинений Льва Толстого в 24 книгах большого формата, около 200 страниц в каждой — по 2 книги ежемесячно.

Подписная цена на 1 год — 13 р. 50 к. Допускается рассрочка в четыре срока: не позднее декабря — 4 р., к 1 марта — 3 р. 50 к., к 1 мая — 3 руб. и к 1 июля — 3 руб.

2-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“ — 13 р. 50 к.:

«БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК» выходит еженедельно по две книжки и дает: современную русскую и иностранную литературу, избранные произведения мировой литературы, документы эпохи, мемуары. В план «Библиотеки Огонек» на 1928 год включены новейшие произведения советских и западно-европейских писателей в лучших художественных переводах.

52 №-ра «ОГОНЬКА» с приложением 104 книжек «БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК». Подписная цена на 1 год — 13 р. 50 к., на полгода — 7 руб., на 3 мес. — 3 руб. 75 коп., на 1 мес. — 1 руб. 40 коп.

3-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого и „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“ — 22 рубля:

52 №-ра «ОГОНЬКА» с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Льва Толстого в 24-х книгах и 104 книжек «Библиотеки Огонек».

Подписная цена на год — 22 рубля. Допускается рассрочка в пять сроков: не позднее декабря — 5 р., к 1 марта — 5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сентября — по 4 рубля.

„ОГОНЕК“ без приложений:

52 №-ра журнала в год: на год — 4 руб. 50 коп., 1/2 года — 2 р. 40 к., 3 мес. — 1 р. 20 к., 1 мес. — 40 к.

Подписчики на „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого, внесшие сразу подписную плату полностью, получают БЕСПЛАТНО большой художественный портрет Л. Н. Толстого.

Пересылка всех изданий за счет Издательства.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАЯВКА

Ввиду твердого тиража собрания сочинений Л. Н. Толстого, выпускаемого Госиздатом специально для „Огонька“ и в отдаленную продажу не поступающего, принимается предварительная заявка, гарантирующая получение собрания сочинений Л. Н. Толстого. При заявке вносится лишь один рубль, зачисляемый в счет подписной платы, каковая имеет быть внесена в указанные выше сроки. Задаточный рубль удерживается подписчиком из первого взноса.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА, 6. Страстной бульвар, 11, Акционерному Издательскому Обществу „ОГОНЕК“.

Подписка также принимается во всех почтово-телеграфных предприятиях, у местных контрагентов, в отделениях центральных издательств и во всех киосках Контрагентства Печати.

При подписке указывайте точно, на какое издание и с каким приложением сдается подписка

Требуйте бесплатно подробный проспект.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „НАУКА и ЗНАНИЕ“

ЛЕНИНГРАД, проспект Володарского, д. № 59/у.

ВЫДЕРЖКА ИЗ КАТАЛОГА НАШЕГО МАГАЗИНА:

Книги по радио

Проф. И. Г. Фрейман. Курс радио-техники. Ц. 6 р. Я. Файвуш. Радио-техника, ее достижения и практич. применения. Ц. 40 к. Проф. А. Петровский. Радио-техника. Ц. 1 р. Г. Парр. Основы и практика радио-соединений. с 21 рис. Ц. 1 р. Джон Миллс. Письма радио-инженера своему сыну. Ц. 50 к. Г. Мальгорн. Общедоступная радио-телефония и радио-телеграфия, с 156 рис. Ц. 1 р. 75 к. Пьер Люи. Пустотные лампы в радио-технике. Ц. 85 к. Карманный справочник радио-любителя. Ц. 1 р. Е. Зеликов. Радио и наука. Ц. 1 р. 25 к. С. Еллиас. Несчастные случаи при пользовании радио-установками. Ц. 65 к. Ф. Дитше. Комнатн. антенны и рамки. Ц. 55 к. Гюнтер и Фукс. Радио для всех. Ц. 2 р. Ганс Гюнтер. Книга о радио. Ц. 1 р. 85 к. Утопия и действительность в радио-технике. Ц. 50 к. А. Цеман. Любительская передающая радио-станция. Ц. 70 к. И. Эррман. Техника радио. Ц. 60 к. Норман Эдвардс. Радио для всех. Ц. 1 р. Яблоновский, Н. Радио-телеграф и телефон. Ц. 50 к.

Радио-библиотека. Под ред. инж. Турлыгина. I и II цикл в 12 выпусках. Ц. 8 р. 40 к. Все книги с многочисл. рис., чертежами и схемами. Отдельно 1-й вып. Гартман. Основные сведения по электротехнике, необходим. радио-любителю. Ц. 65 к. 2-й вып. Попов. Основания радио-техники в общедост. изложении. Что нужно знать о радио. Ц. 65 к. 3-й вып. Лергес. Школа радио-любителя. Ц. 85 к. 4-й вып. Неслер и Крюгер. Самоделные радио-приборы. Ц. 50 к. 5-й вып. Хайкин. Физические основы радио-техники. Ц. 80 к. 6-й и 9-й вып. Конашинский. Радио-прием и радио-приемн. устройства. Ц. 1 р. 7-й вып. Конашинский. Радио-передача. Антенны и ламповые генераторы. Ц. 90 к. 8-й вып. Шмаков. Радио-телефония. Ц. 1 р. 10-й вып. Львова. Радио-измерения. Ц. 40 к. 11-й вып. Строганова. Радио-формулы, таблицы и номограммы. Справочник радио-любителя. Ц. 1 р. 12-й вып. Беркман. Ошибки и недостатки в радио-практике и их исправление. Ц. 40 к.

Листов. 600 вопросов и ответов. Справочник радио-любителя, с 181 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Книги по шахматам

Календарь шахматиста. Ц. 1 р. 25 к. Боголюбов, Е. Избранные партии. Ц. 2 р. Его же. Избранные партии Чигорина. Ц. 2 р. 50 к. Левенфиш, Г. Первая книга шахматиста. Ц. 1 р. 60 к. Маршалль, Ф. и Мэкбет, Г. Шахматы. Шаг за шагом. Ц. 1 р. 70 к. Д-р Тарраш, З. Современная шахматная партия. Ц. 2 р. 80 к. Нью-Йоркский матч-турнир. 1927 г. Сборник партий. Ц. 1 р. 80 к. Шахматист. Справочник любителя и профессионала. Ц. 2 р. Ласкер, Э. Мой матч с Капабланкой. Ц. 60 к. Тартаковер, С. Ультра-современная шахматная партия. Ч. I, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Ц. 1 р. 75 к. Ч. IV, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

52 НОМЕРА ЖУРНАЛА

24 КНИГИ ПРИЛОЖЕНИЙ каждая размером от 6-ти
до 10-ти печатн х листов.

4 РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ: (ВЕЛОСИПЕДЫ, РАДИО-АППАРАТЫ,
ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ и т. п.),

3 КОНКУРСА

Подписная цена с приложениями и участием в розыгрыше премий:

На один год . . . . . 8 р. — к.	На три месяца . . . . . 2 р. 20 к.
На шесть месяцев . . . . . 4 р. 20 к.	На один месяц . . . . . — р. 80 к.

Годовым подписчикам, адресуемым прямо в издательство — рассрочка:

При подписке — 2 руб., к 15-му марта — 2 р., к 15-му июля — 2 р. и к 15 сентября — 2 р

Подписная цена на один журнал без приложений:

На один год . . . . . 4 р. 50 к.	На три месяца . . . . . 1 р. 25 к.
На шесть месяцев . . . . . 2 р. 30 к.	На один месяц . . . . . — р. 50 к.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

Все приложения на 1928 г. разбиваются на три отдела: первый отведен спорту, охоте, ознакомлению с родной и чужой землей; второй целиком занят серией книжек «По суше, морю и воздуху»; третий заполнен романами и повестями лучших зарубежных авторов.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ (6 книжек)

Рыболов-любитель. (Увлекательный очерк Лесника о рыбной ловле, с рядом практических советов и указаний). Озерный край. (Краеведческие очерки СССР. Книжка осветит своеобразие природы и особый уклад жизни нашего озерного края). Наш спорт. (Записная книжка спортсмена на 1928 г.). Современная Америка. (Альбом картин и видов, иллюстрир. жизнь американцев в наше время). Три океана. (История Великого (или Тихого), Атлантического и Индийского океанов, равно как их современное значение в международной жизни). Умелюю рукой. (Что может каждый сделать у себя на дому самыми простыми инструментами).

ВТОРОЙ ОТДЕЛ:

„ПО СУШЕ, МОРЮ и ВОЗДУХУ“ (6 книжек).

Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира. В 1928 году в эту серию войдут книжки Флеровского «В страну безмолвия». А. Лебедеко «Великие перелеты». А. Гейе «Он искал приключений». Де-Вере-Стэкпул «У тропиков». Ж. Тудуз «Пробудитель вулканов» и друг.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ (12 книжек)

Увлекательные романы и повести видных европейских писателей

К. Хайн: «Новые приключения капитана Кэтли». (Нашим читателям хорошо известен этот автор, который дает здесь ряд новых приключений своего героя) З. Грей. На дальнем Западе. (Автор-знаток американской жизни и дает на романтической основе отчетливый образ любопытной и странной для нас жизни). Е. Д. Биггерс. «Дом без ключа». (Детективный роман. В тропической обстановке Гавайских островов разыгрывается увлекательная борьба вокруг загадочн. преступления, убийства). М. Твэн. «Янки при дворе короля Артура» М. Твэн, Рассказы. Г. Флерон. Из жизни зверя Р. М. Баллантайн. «Кор лловый остров». (Приключения трех юношей, выброшенных бурей на необитаемый остров). (Названия остальных книг будут указаны в ноябрьск №№ «Вокруг Света»)

О ПРЕМИЯХ И КОНКУРСАХ:

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

6 велосипедов.	10 столярных наборов.	12 пар лыж.
4 ружья.	10 рыболовных наборов.	12 пар коньков.
4 радио-аппарата.	10 фуфаек и трусиков.	12 электрических фонарей
10 карманных часов.	10 футбольных мячей.	40 самопишущих перьев.
		60 перочинных ножей.

Все читатели участвуют также в особых КОНКУРСАХ, победители в которых получают:

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИБОРЫ. ♦ ПОРТФЕЛИ. ♦ КОШЕЛЬКИ-ПОРТМОНЭ.

или ДРУГИЕ ВЕЩИ, ПО ИХ ВЫБОРУ.

Заказы и деньги направлять Ленинград, Фонтанка, 57, „ВОКРУГ СВЕТА“